

УЖАСЫ / МИСТИКА / ФЭНТЕЗИ
ЕКАТЕРИНА БОРОВИКОВА

МЕДИА
КНИГА

ВЫРАЙ

ЦЕНА СПОКОЙСТВИЯ

Вырай

Екатерина Боровикова

Вырай. Цена спокойствия

«МедиаКнига»

2021

Боровикова Е.

Вырай. Цена спокойствия / Е. Боровикова — «МедиаКнига»,
2021 — (Вырай)

Издательство «МедиаКнига» представляет книгу современной популярной писательницы Екатерины Боровиковой – "Вырай. Цена спокойствия", третью в серии "Вырай". После эпидемии чумы в поселении наступило затишье. Но это временно, ведь с первым снегом нити судеб приреченцев будут перерезаны, конечно, если к тому времени старая ведьма сама не довершит начатое. Сычкова и её друзья пытаются предотвратить беду. У них есть план, не слишком простой, но вполне выполнимый. Вот только Вениамин снова мутит воду, и у него тоже есть план, правда, не слишком адекватный.

© Боровикова Е., 2021

© МедиаКнига, 2021

Содержание

Екатерина Боровикова	5
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Екатерина Боровикова

Вырай. Цена спокойствия

Екатерина Боровикова

© ООО «МедиаКнига», 2021

Пролог

Марина подъехала к Приреченскому гаражу ранним вечером. Посигналила, дождалась, пока раскроются ворота, и загнала «Ниву» во двор.

– Спадарыня! Рад, очень рад. – Якуб, первый и пока последний домовый Приречья, сменивший специализацию, выглянул из окошка мастерской и приветливо помахал рукой. – У вас какие-то проблемы?

Восемь лет назад на окраине Потаповки, на месте сгоревшей агроусадьбы «Счастливый бусел» возвели небольшую избу, разобрав на брёвна несколько старых нежилых домов. И поселили в этой избе семью механизатора Сергеича, который до Катастрофы любил заложить за воротник, но после объединения миров бросил это неблагодарное дело. А в трезвом состоянии мастер мог заставить ездить даже кастрюлю со щами. К дому пристроили просторный гараж, дав вторую жизнь материалам, из которых была сложена старая свиноферма, увеличили в несколько раз двор, поставили с десяток навесов, и теперь здесь хранились, чинились и трансформировались легковые автомобили, трактора, мотоциклы, комбайны и грузовые машины. Даже несколько автобусов имелось.

Якуб и Леся, терпеливо ожидавшие в Вырае постройки дома, вернулись в человеческий мир. И оказалось, что с новым хозяином у домового много общего.

В основном бытом занималась Леся. А её потусторонний супруг с энтузиазмом ковырялся в моторах, красил облупившиеся капоты и проводил балансировку колёс – правда, во двор он не выходил, работал исключительно в мастерской. Якуб давно потерял сходство с Бусловым, бывшим хозяином участка, и стал похож на Сергеича. Лишь глаза – хитро прищуренные, тёмные, не изменились.

Именно благодаря совместным экспериментам человека и нечисти некоторые автомобили не использовали обычное топливо и двигались совершенно бесшумно.

– Не то чтобы проблемы, – ответила на вопрос Марина, заехав в мастерскую и выйдя из «Нивы». – Надо машинку проверить. И узнать хотела – как дела продвигаются? Может, срочная помощь нужна? Я в ближайшие месяцы дома почти не буду появляться, и так до самой зимы. Так что лучше заранее побеспокоиться.

Якуб ответить не успел – открылась дверь, соединяющая избу и гараж, и в мастерскую неторопливо вошёл Сергеич.

– О, Марина Викторовна к нам на огонёк зашла. Чем обязаны? – Вместо улыбки у мужчины получилась страдальческая гримаса.

Хоть автомеханик и сотрудничал с нечистой, ведьму он недолюбливал. Но открыто своё отношение не выказывал. Просто при каждом удобном случае подчёркивал, что люди и потусторонние существа могут общаться и без посредников-колдунов, которые «слишком много на себя берут».

Впрочем, каждый имеет право на собственное мнение, и Марина делала вид, что не замечает нелюбовь механика к себе.

– Вот, интересуюсь, как дела. Хочется уйти со спокойной душой. Да и «Нива»... У меня намечается поездка, не слишком долгая, дня за три обернётся. Но потом почти сразу же опять уеду, и уже надолго. Выдержат ли туманники нагрузку?

– Я посмотрю. Может, разберётся, кто людей поубивать решил. Хотя какая-то от вас польза будет, – буркнул Сергеич и начал обхаживать ведьмовской автомобиль, – а вы пока с Якубом потрещите, если он здесь. Пусть расскажет, что у нас да как.

Домовой оставался верен традициям и хозяину показывался лишь в крайних случаях. Впрочем, остальные мирные нечистики Приречья поступали так же. Естественно, к ведьме это не относилось – она видела всех обитателей поселения, и простых, и сверхъестественных.

– Спадарыня Марина, почти всё готово, – успокаивающе замахал руками домовый. – Две легковые машины, грузовая, один автобус и два буса уже переведены с бензина на туманников. Позавчера Семашко отдал отцовский старый микроавтобус, наконец-то мы его уговорили. Машинка, конечно, не на ходу, но мы разберёмся. Да и до зимы ещё ого-го сколько. Мы с Данилой засматриваемся на старый трактор, хотим его скрестить с трейлером, ну тем, что Людочка Мамаева два года назад из-за Тумана прибуксировала. Так что не волнуйтесь – в этом году в рейд выедет всё Приречье.

Домовой, конечно, сильно преувеличил. Естественно, не всё. Но Сычкова мысленно прикинула количество мест. Выходило, что сквозь Вырай одновременно смогут проехать около сотни человек. Рассредоточить автомобили и отправить пять – десять небольших отрядов на колёсах... Или даже больше. Так гораздо проще и безопасней, чем пешие путешествия. Торговля с четырьмя дружественными поселениями благодаря машинам выходит на новый уровень – ещё прошлой зимой приходилось выбирать, куда наведаться в первую очередь, а куда во вторую, но теперь можно было планировать одновременный выезд в несколько пунктов назначения.

С весны заготавливались навигаторы, заговорённые вещицы с подвешенными заговорами и заклятиями, всё шло своим чередом, но Чума спутала карты, и теперь колдунья не представляла, где взять время на всё сразу.

С одной стороны, Марина понимала, что Прасковья не оставит своих бывших односельчан в покое – спутанные в неприглядный колтун волшебные нити об этом ясно говорили. Да и мысль о том, что Доля и Недоля перережут судьбы, едва пойдёт снег, доводила колдунью до предобморочного состояния.

А с другой стороны, нужно было как-то жить, во что-то одеваться, чем-то лечиться. Приречью необходимы стройматериалы и средства гигиены, книги, оружие и боеприпасы, семена, серебро, соль и прочие ресурсы. Зимний рейд очень важен, и его отменять нельзя. И пусть люди уже несколько лет посещали Вырай самостоятельно, не таская за собой колдунью, подготовительный этап никто не отменял.

Конечно, можно было бы отложить рейд на следующую зиму. Но Семашко проинспектировал склады и заявил, что запасы самого ходового практически на нуле. Особо он подчеркнул, что бензина и «солярки» в сумме осталось всего триста литров – слишком много топлива ушло на погребальные костры во время эпидемии.

То, что механики обогащали парк техники, было прекрасно – чем больше автомобилей избавится от нефтяной зависимости, тем больше можно будет привезти.

Но всё это станет ненужным, если Прасковья доведёт начатое до конца и превратит Приречье в коллективное кладбище, коих в мире сейчас очень много.

– Спасибо. Ты меня успокоил. – Марина не стала делиться с нечистиком своими размышлениями.

– Вот и ладненько. Всё, я тут закончил, пойду погляжу, может, Леське Батьковне помочь нужно.

Домовой исчез. А Марина подошла к механизатору.

– Хорошо, что заехали. – Сергеич что-то сосредоточенно искал на полке, забитой загадочным автомобильным хламом. – Туманники в норме, но вот кровеприёмник засорился. Надо прочистить, а то застрянете где-нибудь в самый неподходящий момент.

Мужчина с довольным возгласом вытащил с полки невозможно грязный ёршик, подошёл к «Ниве» и зарылся в её внутренностях. Раздалось шипение, Сычкова почувствовала запах тухлятины.

– Благодарю за ремонт. – Марина, стараясь не дышать, стала пятиться к выходу. – Кстати, не забудьте переоборудованные машины рунами разрисовать. Не потеряли образец?

– Нет, конечно, – вынырнул из недр автомобиля Сергеич. – Вон там лежит. – Механик махнул в сторону картонной коробки, в которой валялась куча старых газет.

– Прекрасно. Я на воздухе подожду.

Вонь в гараже стала нестерпимой. Привычная ко многому Сычкова почувствовала, что её сейчас вырвет.

– Через пять минут всё готово будет. Эх, Викторовна! Разве настоящая ведьма может быть такой неженкой? – Слова механизатора догнали женщину на улице.

Под навесом слева от гаража копошился Данила Молотов, который пришёл в Приречье два года назад. Этот не улыбочивый лопоухий парень служил в дружине, в свободное время помогал Сергеичу и Якубу в мастерской, часто ходил на охоту в одиночку и сторонился девушек. Все знали, что он хотел, чтобы будущую жену одобрила старшая сестра. Вот только сестра его потерялась где-то за Выраем.

– Здравствуйте, Марина Викторовна. – Молотов выпрямился и утер лоб тыльной стороной ладони. На коже осталась чёрная масляная полоса.

– Привет. Что делаешь? – Вдохнув чистого воздуха, спросила ведьма.

– Так скоро жатва, а эта развалюха, – парень зло пнул ногой колесо комбайна, – на глазах рассыпается. Сергеич говорит, что этот сезон нормально отъездит, но мне как-то стрёмно. Решил подкрутить кое-чего на всякий случай.

– И правильно. Запускать это дело нельзя. Вот только солнце почти село. Может, тебя до дома подвезти? Машину сейчас отдадут.

Данила жил в Яблонежке в «холостяцкой избе». Соседи его постоянно менялись – каждую осень в Приречье играли несколько свадеб.

– Юстас, Валера и Пашка девчонок в гости позвали. Не хочу мешать. Так что здесь переночую, на диване в мастерской.

– Викторовна! – Донеслось из мастерской. – Забирай свою колымагу!

– Точно не поедешь?

– Не-а.

– Даник, – тихо сказала Марина, – ты же понимаешь, что шансы почти нулевые. Молодец, что надеешься, и всё такое, но, может, хватит бирюком жить? У нас столько девушек хороших. Если сестра когда-нибудь появится, уверена, она будет рада увидеть, что ты счастлив.

– Мы с Никой когда-то нашли отца. А совсем малые были, между прочим. Так что я *точно знаю* – Вырай рано или поздно сводит близких. Но только если им это действительно нужно. Вот я женюсь, у меня новая семья будет, так? Жена и дети ближе всех станут. И Ника окончательно потеряется, понимаете? Она должна чувствовать, что я её жду.

Сычкова считала теорию Молотова наивной глупостью – люди в современном мире расставались навеки. Но не стала спорить, а осторожно спросила:

– Почему же ты сам её не ищешь?

– А я искал. Столько всего перевидал... Но только у вас нормально жить можно, из того, что видел. Так что пусть лучше она ко мне.

– Ну а вдруг она тоже нашла хороших людей, осела на одном месте, замуж вышла?

Парень нахмурился:

– Мне работать надо. Извините.

– Ладно, не буду мешать. – Марина на прощание виновато улыбнулась и направилась к гаражу, думая о том, что каждый имеет право на мечты.

Глава 1

Представители Класа Нечисть при определённых условиях могут игнорировать своё предназначение, но в строго заданном вариативном коридоре. Так, индивидуумы из Рода Домовые способны сменить уход за человеческим жильём на уход за транспортной техникой. Но у них категорически не получится заниматься селекцией растений или охраной кладбищ. Чем разумнее создание, тем шире возможности. Например, Семейство Демоны в разы свободней в своём выборе, чем Семейство Призраки. Нужно упомянуть, что подобная «смена специализации» достаточно болезненна и сложна, поэтому в естественных условиях практически не встречается.

Класс Нежить изменить свою судьбу не способен.

М. А. Бондаренко, «О сверхъестественных существах».

Тяжёлый, зловонный, но тёплый воздух болот уступил место ледяному и колючему ветру. Вероника тут же замёрзла – всего минуту назад она, скрываясь от злобных кикимор, ползла по зыбким кочкам и старалась не думать об утонувшем в трясине ружье. Момент, когда торфяная жижа превратилась в глубокий, пушистый и такой холодный снег, девушка пропустила – как всегда, зона сменилась неожиданно.

Кисти рук мгновенно замёрзли. Молотова, шипя и ругаясь, принялась стряхивать снег с покрасневшей кожи.

– Эй ты, дура! – Босые преследовательницы приплясывали всего в паре десятков метров от Вероники. Судя по тому, что уродливые создания прекратили улюлюкать и хохотать, местная погода им тоже не пришлась по душе. – Мы тя всё равно достанем, когда-нибудь, ясно? Вырай нас сведёт, даже не сомневайся! Болотник будет тя ждать, поняла? Если ты здесь не скопытишься, гы-гы!

– Идите в пень!

– Заткнись, мясцо!

Одна из кикимор, набычившись, сделала шаг вперёд, но подружки её удержали:

– Ты что! Посмотри вокруг! Знаешь, чьи это владения? Валим отсюда.

– Эй, мясцо! Надеюсь, ты сдохнешь в мучениях!

Нечистые подёрнулись лиловой дымкой и исчезли. Вероника почувствовала невероятное облегчение, и, забывшись, опустила голову в снег. В лицо тут же вонзились миллионы ледяных иголок. Девушка, отплёвываясь и утираясь, вскочила.

Мокрая и грязная одежда к этому моменту успела почти задеревенеть, она царапала и морозила кожу. Стиснув зубы, Ника сняла брезентовый чехол с рюкзака и обрадовалась – содержимое оказалось сухим.

Когда стянула майку, штаны и трусы, стало чуть легче. Но вокруг бушевал ветер, и девушка понимала – это облегчение обманчиво и мимолётно. Поэтому, не теряя ни секунды, она вытащила из рюкзака сухое бельё, шерстяной свитер и камуфляжную куртку. К сожалению, сменных тёплых брюк не было, пришлось довольствоваться тонкими спортивными леггинсами. Волосы Молотова спрятала под трикотажную шапку, кисти рук – в кожаные перчатки.

А вот вторая пара обуви осталась там же, где и ружьё – в трясине. Веронике в предыдущей зоне пришлось выбирать – добротные, но застрявшие в густой жиже ботинки или жизнь. Она выбрала второе и потом полдня убегала от кикимор босиком. Улучив момент, натянула припасённые кроссовки, о чём теперь очень жалела – обувь успела промокнуть насквозь, и ноги быстро и неотвратимо замерзли. Но о том, чтобы разуться, девушка даже мысли не допускала.

Ника закрутила мокрую одежду в целлофановый пакет и уложила на самое дно рюкзака, который снова спрятала в чехол. И только потом принялась оглядываться, желая понять, куда же её занесло.

Белая равнина. Взгляду вообще не за что зацепиться. Ни деревьев, ни построек, лишь снег до самого горизонта, прикрытого брюхом тяжёлой тучи. Вероника подумала, что вскоре к ледяному ветру прибавится метель, поёжилась и пошла куда глаза глядят – вперёд. Она надеялась, что нечисти тоже не нравится мороз, и что дорога будет относительно безопасной. О кикиморах, испугавшихся кого-то неведомого, девушка постаралась не думать.

Ведь сейчас ей грозила совсем другая, совершенно не сверхъестественная и вполне определённая опасность – тонкая куртка с ветром не особо справлялась, а о лице и едва прикрытых тонким трикотажем ногах и говорить нечего. Да и ступни постепенно превращались в бесчувственные ледышки. Ника очень рассчитывала, что зимняя прогулка займёт не больше часа. Хотя предсказать, когда сменится зона, было невозможно. Успокаивало одно – Туман держит путников внутри себя не более четырёх дней, а она идёт по потусторонним пустошам уже двое суток.

* * *

Спустя три часа часа, когда метель уже вовсю бушевала, Молотова поняла, что идти больше не может – сказывался марафон по болотам. Поэтому рухнула на колени и упрямо поползла. Правда, запала не хватило надолго. Несколько раз девушка отключалась, но приходила в себя, едва зарывалась носом в снег.

В какой-то момент ей стало всё равно – вязкая сонливость и усталость победили. В голове не осталось никаких мыслей. Ника перестала бороться, села, вытянула вперёд ноги, оперлась спиной о рюкзак и прикрыла глаза.

В самый последний миг перед тем, как веки сомкнулись, ей показалось, что обстановка вокруг изменилась. С трудом разлепив глаза, прямо в паре метров перед собой она увидела какое-то строение.

Мыслей так и не появилось, желание заснуть никуда не делось, но девушка на каких-то животных инстинктах поползла к потенциальному укрытию. Низенькое здание с плоской крышей то исчезало из поля зрения, то вновь маячило впереди, но, в конце концов, обрело статичную материальность. Ещё несколько усилий, и Вероника оказалась вплотную к стене.

Снежный покров доходил почти до черепицы, где уровень земли, вообще было непонятно, но у путешественницы сложилось стойкое ощущение, что постройка довольно высокая, минимум в несколько этажей. Ника не сразу заметила верхний край окна, а под ним – узкую щель, в которую свободно задувало снег. Девушка, не задумываясь о том, кто или что может её поджидать, принялась раскапывать снег, а затем, едва щель оказалась более-менее подходящей по размеру, протиснулась внутрь.

Что здесь было до Катастрофы, понять оказалось сложно. Почти всё помещение занимал снег, исключая небольшой пятачок у двери в дальнем углу. Ника, собрав остатки воли в кулак, сползла со снежной кучи и налегла всем телом на хлипкую с первого взгляда дверь:

– Ну же, давай! Открывайся, зараза!

Преграда едва дёрнулась.

– Да-а-в-в-а-ай!

Нехотя скрипнув, дверь немного сдвинулась и замерла окончательно. Вероника, смахнув с лица злые слёзы, протолкнула в темноту рюкзак. Потом просунула в проём ногу, вторую, повернулась боком и с трудом протиснула таз. Максимально выдохнув, пролезла вся.

Внутри царил тьма. Но зато не было ветра, лишь небольшой сквозняк из оставшейся позади комнаты заставлял ёжиться. К тому же в этом пока неведомом месте было ощутимо теплее, чем снаружи.

Вероника принялась шарить руками по полу, разыскивая рюкзак. Ладони наткнулись на что-то твёрдое. Сказать точнее было нельзя – пальцы утратили чувствительность. Тихо постукивая, неизвестная вещь укатилась куда-то в сторону.

Нащупав лямки чехла, Молотова облегчённо вздохнула. Попыталась развязать тесёмки, но руки не желали слушаться.

Игнорируя желание заснуть прямо здесь и сейчас, девушка принялась растирать ладони. Она пыталась сжимать и разжимать пальцы, тёрла руки друг о друга, часто на них дышала и умоляла тело отреагировать на команды из мозга. Но конечности отчаянно сопротивлялись.

Спустя несколько долгих минут пришла боль. Она зародилась в подушечках пальцев и разлилась по фалангам. Руки словно засунули в ежовые рукавицы, сшитые иглами внутрь, но это было хорошо. Ника, радуясь, что чувствительность вернулась, заплакала от боли, развязала чехол, растянула молнию на рюкзаке и нашла фонарик. Луч света заскользил по окружающей обстановке.

Огромная комната, высокий потолок. Большое количество круглых столиков, накрытых скатертями, кое-где у стен стояли низкие пухлые диваны, припорошенные пылью. На стульях возле столов восседали скелеты, да и пол был усеян человеческими костями. Возле комнаты, из которой пришла Ника, их было больше всего – эта «куча мала» и помешала открыться двери полностью. Немного в стороне лежал пыльный череп, у самых ног безголовый скелет. Скорее всего, именно этот череп и попал под руку несколько минут назад.

Какое-то время Молотова настороженно разглядывала мертвецов, но потом расслабилась. Все жертвы Вырая были одеты, кости рук и ног крепились туда, куда надо, следов зубов заметно не было. Эти люди лежали здесь с тех пор, как умерли, и вряд ли кто-то хоть раз тревожил их покой.

Обычных, не обременённых подобием жизни мертвецов девушка не боялась – навидалась за эти годы. На человеческих территориях коллективные могилы встречались довольно часто. Конечно, не везде – сразу после Катастрофы большинство погибших сожрали трупоеды животного и потустороннего происхождения, но всё равно был риск в любой момент наткнуться на чьё-нибудь непогребённое тело.

А вот в Вырае такого почти не встречалось. Когда миры перемешались, территории, попавшие в лиловый Туман, сильно изменились. Как и люди, оказавшиеся не в том месте и не в то время. Кто-то разгуливал нежитью, кто-то пустил корни и превратился в дерево... Некоторые кости истлели за первые месяцы, то ли став частью лиловой взвеси, то ли превратившись в сверхъестественное удобрение. А кое-какие использовались новым мирозданием на всю катушку и с огромной фантазией. Ника как-то видела дворец, построенный из тысяч и тысяч берцовых костей. Выяснять, кто его создал и для чего, девушка не стала, быстро убравшись из опасного места.

Так что здесь, в безымянном то ли ресторане, то ли кафе, картина была довольно привычной, хоть и слегка нетипичной для потусторонней местности. И она говорила об относительной безопасности. Но проверить помещение всё равно стоило.

Повесив рюкзак на плечо, Ника, медленно и неуклюже переступая онемевшими ногами, двинулась вперёд.

Всё те же столы, стулья, мёртвые посетители и пыль. И никаких признаков, что в комнате бывает нечисть. В какой-то момент свет выхватил возле стены то, что заставило сердце девушки забиться чаще – большой камин.

Мысленно молясь о том, чтобы он не оказался электрическим, Молотова подошла поближе.

Камин был не просто большим, а огромным, выше человеческого роста. Широкий, глубокий, а главное, настоящий. Рядом, как и надеялась девушка, в металлической дровнице, лежали поленья.

– Спасибо, спасибо, – шептала неизвестно кому Ника, копаясь в рюкзаке. – Как же мне повезло-то!

Наконец-то газовая зажигалка и клочок туалетной газеты были найдены. Несколько минут возни, и огонёк принялся робко облизывать древесину. Оставив пламя разгораться, Молотова вернулась к двери и прикрыла её как можно плотней, потом прошлась по залу, стаскивая со столов скатерти.

Когда вернулась к камину, огонь уже неплохо занялся. Свалив скатерти в кучу как можно ближе к источнику тепла, Вероника вытащила пакет с мокрой одеждой, разложила её перед каминной решёткой и поняла, что усталость никуда не делась – всё это время она просто слегка глушилась адреналином. А сейчас вновь заявила о себе. С трудом оставаясь сосредоточенной, Ника нашла на дне рюкзака пластиковую банку, в которой много лет назад хранился бальзам для волос, и отвинтила крышку. В нос ударил острый запах мускуса. На самом доннышке поблескивала жирная коричневая мазь.

Год назад Молотовой повезло. В одном австрийском городе она встретила цыганский табор, в котором прожила целых две недели – выспалась, отъелась и отдохнула. Но всё-таки ушла, так как с тех пор, как потеряла брата, нигде не останавливалась надолго. На прощание у старой то ли знахарки, то ли ведьмы выпросила банку заживляющей мази. Расплатилась пакетиком кофейных зёрен, россыпью серебряных серёжек и несколькими чистыми тетрадами.

Наслаждаясь теплом и светом, девушка сняла шапку, перчатки, кроссовки и носки, положила их на каминную полку, и принялась втирать лекарство в почти бесчувственное лицо и ступни. При контакте с кожей мазь слабо вспыхивала изумрудными искрами. Перемороженные колени и бёдра даже не стала обрабатывать – боялась, что драгоценного лекарства не хватит на всё. Остатки тщательно размазала по кистям рук, почувствовала, что больше ни на что не способна, завернулась в скатерти и провалилась в небытие.

* * *

Ника проснулась, когда совсем рядом кто-то жалобно вскрикнул. Открыла глаза и попыталась вскочить, но во сне она довольно сильно закрутилась в скатерти, и теперь быстро выпутаться из тёплого кокона не получилось.

Худосочный мужчина в замызганном камуфляже шёл прямо на неё.

– Не подходи, убью! – рявкнула Молотова, но незнакомец не обратил на неё никакого внимания и продолжил шагать.

Ника заметалась, задёргалась... и ошарашенно застыла, потому что бородач преспокойно прошёл сквозь неё. Девушка испуганно обернулась. Мужчина точно таким же «сквозным» манером преодолел несколько столиков, наклонился и пропал из виду. Снова послышался крик, сменившийся ритмичными стонами.

Возле камина сидело ещё двое незнакомцев. Один, смуглый и длинноволосый, выглядел вполне обычно, но второй, заросший чёрной бородой по самые скулы, оказался таким же бесплотным, как и Камуфляжник – он расслабленно покуривал самокрутку и совершенно не обращал внимания на дровницу, которая больше, чем наполовину, скрылась в его теле.

Мужчины негромко переговаривались на нерусском языке, а при особо громких столах, доносившихся из-за столов, довольно посмеивались. На Молотову по-прежнему никто не обращал внимания. Она, наконец, справилась со скатертями, встала и, настороженно глядя на тех, кто вторгся на место её привала, подхватила нож.

– Эй, вы меня видите?

Никакой реакции. Длинноволосый поднялся и пошёл в сторону стонов. По дороге его нога погрузилась в Вероникин рюкзак, не причинив содержимому никакого вреда.

– Призраки, чтоб их, – пробормотала Ника и почти успокоилась. Почти, потому что совершенно не хотела находиться в обществе потусторонних сущностей, которых в любой момент могло «заключить» на взаимодействие с живым человеком. Некоторые подобные существа могли причинить вполне ощутимый вред или даже убить.

Не делая лишних движений, но быстро, Молотова собрала вещи и уложила их в рюкзак. Всё успело высохнуть, даже кроссовки. Мазь и тепло сработали, как надо – лишь кожа над коленями немного зудела, а больше никаких неприятных ощущений, кроме голода и жажды, не было. Длинноволосый вернулся к огню и с видимым удовольствием растянулся на полу. Обувшись, девушка бросила на камин полный сожаления взгляд и направилась к двери, которая вела в комнату с разбитым окном.

Но чисто женское любопытство не дало уйти далеко. Кто-то по-прежнему страдал, и Ника решила хоть одним глазком глянуть, что происходит за столами.

Через несколько шагов ей открылось неприятное зрелище.

Стонала нечисть женского пола и почти человеческого вида. Кожа сливового цвета масляно блестела, тяжёлая грудь ходила ходуном. Камуфляжник, совершенно не заботясь об ощущениях существа, держался за фиолетовые кожистые крылья странной, несимметричной формы, и грубо дёргал их в такт собственных движений. Ника не сразу сообразила, что крылья то ли обрезаны, то ли обломаны.

Ещё один фантом, которого Молотова до этого не видела, тоже себя не обидел. Из-за него невозможно было рассмотреть лица потусторонней девушки. Этот сутулый мужчина тоже держался, но не за крылья, а за антрацитовые рожки, и совершенно по-хамски таскал голову жертвы так, как ему заблагорассудится.

Веронику за последние два года несколько раз насиловали, и она знала, каково это. И ей было всё равно, кто жертва – человек или не совсем. Острая жалость, смешанная со злостью, кольнула в сердце, рука легла на нож. В то, что всё здесь происходит по взаимному согласию, девушка не верила – достаточно было посмотреть на изуродованные крылья и послушать болезненные стоны.

Но, несмотря на желание поотрезать насильникам всякое разное, Ника так и не вмешалась. Помочь она всё равно не могла – скорее всего, эта группка мужчин мучила нечисть очень давно, возможно, годы назад, а сейчас Вырай транслировал эту сцену, словно видеозапись. Да и риск привлечь внимание призраков никуда не делся.

Оставалось лишь одно – уйти. Чувствуя себя виноватой, Молотова отвела взгляд и направилась к дальней стене. Но вдруг услышала жалобное:

– Ведьма, погоди! Спаси!

Ника вздрогнула и обернулась. Кое-что изменилось – любитель рожек закончил наслаждаться податливым телом и направился сквозь столы к камину. Камуфляжник спустя пару секунд отпустил крылья, по-хозяйски хлопнул нечисть по ягодице и тоже отошёл.

Создание сливового цвета всхлипнуло, обессиленно рухнуло на пол и простонало:

– Пожалуйста, помоги.

– Ты что, видишь меня? Ты не призрак?

Нечисть подняла голову. Огромные кошачьи глаза охряного цвета уставились на Нику. По тёмному лицу текли вполне человеческие слёзы.

– Конечно. Тебе разве не ясно? Или... – в голосе засквозило разочарование, – или ты не ведьма? Но как же... А, ясно. Простая, чуть-чуть не погибшая человеческая самочка. Не смею задерживать.

Потусторонняя дева склонила голову и горько заплакала.

– Эй. Ну, чего ты? – Молотова не любила нечистую силу, не верила ей и никогда не «очеловечивала». Но эта рогатая почти девушка выглядела такой несчастной, что вся настороженность куда-то исчезла. Ника подошла поближе, села на корточки и дотронулась до сливового плеча. – Расскажи, кто ты. И как попала в лапы к фантомам. Может, помогу. И почему ты меня за колдунью приняла?

Ответила собеседница не сразу. Поддавшись порыву, Вероника притянула беднягу к себе и дала выплакаться. Только теперь она заметила металлический резной ошейник. Спустя несколько минут рыдания стали затихать, а потом и вовсе прекратились.

– Я суккуб, – угрюмо начала рассказывать нечисть, – моя работа – соблазнять мужчин. Ты не подумай, многие меня сами вызывают! И им, и мне приятно, и вообще... Я страстная и идеальная!

В принципе, это не было хвастовством – без учёта рогов, длинного хвоста с кисточкой на конце и цвета кожи, красота и безупречность сложения были очевидными. Длинные, стройные ноги, красивой формы попа, тонкая талия и большая, но не обвислая грудь могли стать предметом зависти многих женщин. Даже мелочи были великолепны – тонкие пальцы, аккуратные, хоть и чёрные, ноготки, узкие ступни и нежный, еле уловимый аромат цветов от тёмно-синих волос. Лицо соответствовало – пухлый рот, длинные ресницы, маленький носик... Молотова едва удержала завистливый вздох – её лицо уже одиннадцать лет украшал уродливый шрам. Правда, от него был кое-какой толк – он, хоть и очень редко, отпугивал потенциальных насильников. В мире постапокалипсиса одинокой женщине выживать непросто, и чем она красивей, тем сложнее это делать.

Суккуб совсем по-человечески шмыгнула носом, и наваждение рассеялось. Теперь она снова выглядела несчастной и потрёпанной, и эффектная внешность словно бы потускнела.

– Я слышала про таких, как ты. Вытягиваете жизненную энергию из мужиков, те потом мрут, как мухи.

– Неправда! – Суккуб в праведном возмущении отодвинулась. – Не жизненную, всего лишь сексуальную. А что такого? Они двадцать четыре часа в сутки об этом мечтают, с них не убудет. Дальнейшее не мои проблемы.

Ника нахмурилась:

– Не юли. Я тут решаю, что с тобой делать.

– А кто юлит, кто юлит-то? Мужинка удовольствие неземное получил? Получил. Моё дело закончено. Да и живёт он себе дальше спокойно, никто его не трогает...

– Так. – Ника встала и демонстративно отряхнула пыль с колен. – Я пошла. Удачи тебе с твоими, к-хм, кавалерами.

– погоди! – Суккуб схватила девушку за руку. – Я же не договорила!

– Мне показалось, ты и не собиралась договаривать. – Ника снова уселась на пол и скрестила руки на груди.

– В общем, я толком не знаю, – смущённо пробормотала нечисть, – просто удерживаю семя мужчины в себе и приношу его хозяину.

– Сутенёру?

– Кому? Не знаю такого. Нет, Асмодею. Он Высший и очень жестокий. Девочки говорили, что после смерти те, кто побывал в наших объятиях, становятся солдатами его армии. Как-то он их привязывает к себе.

– Армии, говоришь?

– Ну да. Ты бы их видела. Дымом пышут, глаза пучат, тупые и злобные. Правда, ни с кем чужим не воюют, но всё время друг с другом сражаются. До последнего вздоха. Потом в лиловом тумане растворяются. Так что хозяину всегда новенькие нужны.

– Жуть какая. – Ника покачала головой. – И тебе не стыдно?

– За что?! – Искренне поразились нечисть. – Я одариваю людей наслаждением, что в этом плохого? Да и не могу я по-другому. Знаешь, как тяжело без плотских утех? Боль дикая, во всём теле. И целлюлит появляется.

– Асмодей, вроде, христианская фигура?

– Что ты, – хихикнула суккуб, обнажив белые острые зубки, – он стар, как сам мир. Любит войну и похоть – страсти, единые в своей природе. Люди в разные века и в разных странах его по-разному называли. Асмодей – всего лишь последняя личина.

Молотовой всё меньше хотелось освобождать потустороннюю путану из плена. Да та уже и не выглядела жертвой – слёзы высохли, голосок стал уверенным, движения томными. Лишь изуродованные крылья и «украшение» на шее не давали забыть, что здесь произошло всего несколько минут назад. Вероника приподнялась, чтобы окружающая мебель не помешала узнать, чем заняты призраки, если они к этому времени ещё не исчезли. Но мужчины никуда не делись – они укладывались рядом с огнём, явно собираясь спать.

– В общем, понятно. Секс – твоя жизнь, ты добрая, даришь радость и удовольствие, и всё такое прочее.

– Мне показалось, или в твоём голосе скрытая насмешка? – надула губки суккуб.

Молотова отвечать не стала, а задала встречный вопрос:

– Как же ты, такая добрая и радостная, оказалась в плену у фантомов? Как это вообще возможно, у них ведь тел нет? И, если тебе это всё на самом деле в охотку, зачем просила помощи?

– А это не призраки, – вновь погрузилась нечисть, – это самые что ни на есть настоящие мерзкие, наглые людишки. Тебе повезло, что ты с ними в разных пластах находишься, а то и тебя бы... невзирая на уродливое личико.

Ника проглотила оскорбление и грубо перебила:

– Ты, б... бабочка ночная! Можешь нормально объяснить?

– Так я и объясняю. Пришёл вызов на секс, была моя очередь. Так радовалась... У нас там, знаешь ли, не слишком весело. Жарко, пламя везде, ещё солдатня эта тупая прохода не даёт, а Асмодей шалить с ними не разрешает. А оказалось, это не несчастный мужчик, жаждущий ласки, а колдун. Он меня пленил и нацепил вот этот ошейник, связанный с колечком, – суккуб тронула «украшение», – и теперь я не могу вернуться. И с хозяином связи нет, и с девочками. Одна, как перст.

Нечисть вздохнула. Звук получился таким эротичным, что Молотова вдруг почувствовала возбуждение. Суккуб лукаво стрельнула глазками и довольно улыбнулась. Ника разозлилась:

– Ну-ка, прекращай. Я тебе помочь хочу, а ты как скотина себя ведёшь!

– Извини. – Ни грамма раскаяния в голосе. – Это для меня так же естественно, как для тебя дышать. Действует на всех – мужчин, женщин, животных... не расстраивайся. Между прочим, две девушки могут доставить друг другу много приятных минут.

– Знаешь, что? Не зли меня. Давай-ка лучше к делу. Рассказывай дальше.

Суккуб поправила волосы и продолжила:

– В общем, он целый год мною пользовался. А потом продал вот этим. – Она кивнула в сторону призраков, которые, как выяснилось, призраками не являлись. – Мальчики меня уже два месяца с собой таскают, никак не натешатся. Ты пойми, я была бы не против, но мне ведь больно всё время! Да и семя девать некуда, приходится постоянно от него избавляться. Я ведь не резиновая.

Ника фыркнула. Такие подробности ей были ни к чему.

– А почему больно? Ты ведь для этого и создана, я так понимаю?

Суккуб погрузилась:

– Говорю же – кольцо и ошейник. Они связаны. Если отойти от того, кто кольцо носит, шагов на триста, всё тело скручивает дикой болью. И чем дальше, тем сильнее. Ещё когда у колдуна жила, попыталась убежать. Ничего не вышло – в какой-то момент сознание потеряла.

– Так забрала бы кольцо и смоталась. Они, вон, прямо сейчас спят, что в этом сложного, особенно для такой, как ты? Есть же какие-нибудь способности вроде боевых, разве нет?

– Не получится. – Нечисть сменила позу, груди колыхнулись.

Ника облизнула губы и еле отвела взгляд от чёрных сосков. Раньше она никогда не замечала за собой подобных наклонностей.

– Так дело не пойдёт, дорогуша.

Ника расстегнула рюкзак и достала высохшую одежду. Поразмыслив, сняла леггинсы и натянула штаны. Леггинсы отдала нечисти, как и «лишнюю» майку, на которой двумя уверенными движениями вырезала отверстия для крыльев. Суккуб безропотно оделась, причём футболка, сидевшая на Молотовой достаточно свободно, туго обтянула потусторонний бюст. Цветочный аромат тут же притупился, а неадекватная реакция на сверхъестественную красоту исчезла. Ника хмыкнула, покачала головой и сказала:

– Теперь я хоть могу нормально тебя воспринимать. Так что продолжай – почему не получится?

– Может, я всё же останусь обнажённой? Интересный опыт никому ещё не повредил, да и непривычно, движения сковывает.

– Знаешь, что...

– Ладно, ладно. Вы, люди, вообще шуток не понимаете. В общем, если приблизиться к кольцу, меня настигает та же боль. Только сознание не теряю, а так всё то же самое.

– А, вот почему ты плачешь, когда они тебя того.

Суккуб кивнула:

– Да. Ещё ведь и крылья обрезаны, чтобы колдовать особо не могла. Без них я сильнее боль чувствую, почти как человек. До этого такое умела выносить! Не представляешь, сколько среди мужчин извращенцев, но мне только в радость было что-то нестандартное пробовать. А теперь... – нечисть махнула изящной ручкой и покачала головой.

– Понятно. Попала ты, конечно. Но и поделом.

– Поделом, да? – Суккуб прищурилась. – А ты знаешь, что эти гады до меня человеческую самочку в плену держали? А она гораздо меньше выдержать могла, сама понимаешь. Так что я, можно сказать, спасительница живых женщин.

– А куда они её дели? Отпустили?

– Утопили, – равнодушно сказала суккуб, – но это и хорошо. У девицы с головой не всё в порядке было. Видно, сильно они над ней издевались.

Молотова почему-то поверила сразу. Весы раздумий склонились в сторону освобождения нечисти, хотя бы ради того, чтобы насолить банде насильников. Девушка встала и с ненавистью уставилась на мирно спящих мужчин. Они даже не озаботились охраной, хотя всякий, кто хоть раз побывал в Тумане, знает, что нужно следить за обстановкой. Иначе, проснувшись, можно кого-нибудь не досчитаться.

– В холодных зонах людишкам можно не беспокоиться по поводу безопасности, – суккуб словно прочитала мысли Вероники, – зимние Высшие не терпят суету в своих владениях, поэтому наших здесь почти не бывает. Конечно, замёрзнуть можно или на утбурдов наткнуться, но тем на людей плевать. Да и самому хозяину чаще всего тоже.

– А кто местный хозяин?

– Не знаю. Холод многие любят.

– Так. – Ника продолжала сверлить взглядом мужчин. – Теперь объясни, почему они меня не видят и спокойно проходят сквозь предметы.

– Серьёзно?! Ты это серьёзно, что ли? Я похожа на учительницу?

– Хочешь освободиться? Тогда не выделяйся.

– Да что ты можешь, – вновь погрузилась суккуб. – Если бы колдунья, пусть даже и инициированная, а так...

– Разберёмся. Выкладывай.

– Ну... Хорошо. Делать всё равно пока нечего. Короче говоря, именно из-за этого я тебя за ведьму приняла, – наставительным тоном сказала суккуб. – Знаешь, что здесь всегда два пласта реальности?

– Слышала что-то такое. Колдуны могут переключаться с одного на другой, люди видят только один. Про нечисть не знаю.

– Ага. Мы сразу в двух, если можно так сказать. Хотя, наверное, нельзя. Так-то в одном, но при желании видим и второй. Ой, не знаю, как объяснить! Люди воспринимают только фальшивый, если амулета специального нет. А если есть, их переключает на настоящий. У тебя, как я понимаю, никаких магических вещей нет?

– Не-а.

– А ты не умирала недавно? В смысле, была на грани перехода? Конкретно здесь, в этой зоне.

Молотова задумалась и чуть было не решила, что нечисть ошибается. А потом вспомнила жуткую усталость и желание поспать прямо перед тем, как в поле зрения появилось это присыпанное снегом здание. Только сейчас до неё дошло, что это могли быть предвестники «лёгкой смерти» от холода. Подробности девушка озвучивать не стала, лишь коротко сказала:

– Было кое-что.

– Во-о-от, – протянула суккуб и полным эротичности жестом оправила майку, но больше на Нику её чары не действовали. – Об этом я и говорю. Ты чуть не умерла, Вырай принял тебя за свою и стёр фальшь. А эти, – презрительно кивнула нечистая в сторону камина, – до сих пор во власти иллюзии. Вы в разных пластах, вот и не можете взаимодействовать.

– Всё равно не понимаю, – нахмурилась Молотова. – Костёр-то они явно видят, а его я разожгла, в своём, так сказать, пласте.

Длинноволосый мужчина громко захрапел. Суккуб убаюкивающим голосом принялась объяснять:

– Вода – как жидкая, так и застывшая, воздух – как лёгкий ветерок, так и ураган, земля – как вязкое болото, так и песчаная пустыня... всё это находится сразу в двух реальностях. Нет, оно, конечно, может внешне отличаться – например, кристально чистая вода на самом деле кровавая лужа, или грязная лесная дорога притворяется асфальтированным шоссе, но суть, я надеюсь, ты уловила. Стихия всегда одна. Ну, почти. В Вырае всякое бывает.

– Я тебя про огонь спрашивала.

Нечисть закатила кошачьи глазки:

– Ну ты и тугодумка. Говорю же – стихия! Огонь – самая разрушительная, мощная, текущая и при этом неизменная. Ребятунки сквозь метель разглядели костёр. Понимаешь, дорогая? Для тебя это камин и небольшой огонёк, а для них – здоровенная горящая куча дров.

– Допустим. Но ведь я внизу, в здании. Снаружи только крыша торчала, а здесь метра четыре высота потолка. Для них здесь что?

– Пещера, – хихикнула суккуб, – огромная пещера под снегом. И в центре – очаг, вокруг которого мягкие шкуры разбросаны. Они на них и улеглись.

– В принципе, понятно. – Молотова встала, обогнула столы, подошла к камину и задумчиво уставилась на людей.

Освобождение нечисти из плена вряд ли было хорошим поступком. В конце концов, суккуб могла вернуться к хозяину, подлечить крылья и снова заняться развращением мужчин, а заодно, как выяснилось, и женщин. Но не это самое страшное – сколько человек после смерти не обрели покой, а оказались во власти могущественного Высшего лишь из-за любви к экзоти-

ческому сексу? Да и эта четвёрка, лишившись безотказного, пусть и потустороннего тела, скорее всего снова начнёт мучить какую-нибудь несчастную человеческую женщину. А насильников Вероника люто ненавидела.

Но женщину ещё найти нужно. Таких, как сама Молотова, бесстрашных одиночек, встретить очень сложно – постоянно подвергать жизнь опасности не всякий мужчина решится, что уж говорить о слабом поле. Большинство женщин живёт на одном месте, покидая человеческую территорию лишь под давлением обстоятельств, и чаще всего в обществе других людей. Конечно, кое-где не брезгают продавать девушек в рабство, но на такое поселение ещё наткнуться нужно. Четвёрку охочих до удовольствий путешественников нельзя назвать полноценным боевым отрядом, так что экспроприировать кого-нибудь в месте, где не забыли про порядочность и мораль, они вряд ли смогут. Скорее их убьют разгневанные мужья, братья и отцы.

А вот нечистая...

– Скажи, пожалуйста, – обернулась Вероника, – а крылья, если ты окажешься на свободе, отрастут?

Суккуб поникла и снова стала выглядеть несчастной и замученной:

– Нет.

– И даже Асмодей помочь не сможет?

– А зачем ему? – Потусторонняя девушка дёрнула плечом. – Нас очень много. Одной больше, одной меньше... Скорее всего, хозяин меня просто уничтожит, как бракованную. Такое уже бывало, с другими.

Ника села на стол и скрестила руки на груди:

– А что ты тогда делать собиралась, избавившись от этих мужиков?

– Когда я приняла тебя за ведьму, то понадеялась, что ты возьмёшь к себе в услужение. Теперь даже и не знаю. Точно одно – я не хочу больше испытывать боль.

Вероника кивнула и закрыла глаза. Она приняла окончательное решение, которое, скорее всего, многие осудили бы. Оставалось одно – придумать, как провернуть «спасательную операцию».

– Слушай, – пробормотала она, открывая глаза, – я вижу только самих мужиков и то, что на них надето. А вещи какие-нибудь имеются?

– Конечно. – Нечисть оживилась, так как поняла, что девушка обдумывает какой-то план. – Рюкзаки, продукты, оружие...

– Оружие? Какое?

– Два топора, ножи, луки, какой-то автомат или винтовка – я не разбираюсь.

– Отлично. У кого конкретно нужно нам кольцо?

– У этого. – Суккуб ткнула пальчиком в сторону Камуфляжника.

– Так. Поскольку для меня они не материальны, и не будут, пока не окажутся со мной на одном уровне, действовать придётся тебе. Для начала подойди к...

– Ты что?! – Возмутилась нечисть. – Знаешь, как мне больно будет? Я не хочу!

– Потерпишь. – Ника соскочила со стола. – Это в первую очередь тебе нужно, а не мне.

Суккуб скривилась, но всё-таки кивнула. Молотова объяснила, что нужно делать, и, крепко сжав нож в руке, подошла к спящим.

Глава 2

Несмотря на внешнее равнодушие и отстранённость, Вырай оказывает значительное влияние на абсолютно каждого путешественника. Это влияние можно назвать накопительным – чем чаще вы пересекаете границу, тем тяжелее будут последствия.

Ниже перечислены характерные симптомы (по нарастающей):

*– невозможность заснуть на человеческой земле и повышенная сонливость в Вырае; слуховые, а в более запущенных случаях зрительные галлюцинации; раздражительность и паранойя; жажда убивать, желание есть плоть или пить кровь себе подобных. На последних стадиях характерна полная потеря адекватности. В итоге человек погибает, растворяясь в Тумане. Избежать смерти можно в исключительно редких случаях. К сожалению, к *Homo sapiens sapiens* выжившего отнести уже невозможно. Чаще всего он становится представителем Типа Повреждённых (Классы Двоедушиников, Проклятых, Бездушиников и т. д.), но возможны и другие варианты.*

Негативных последствий можно избежать: после каждого похода сквозь Вырай и перед следующим его посещением необходимо переждать на человеческой территории минимум шесть часов, в идеале сутки. Тогда всё накопленное отрицательное воздействие нейтрализуется. Отдельно стоит упомянуть, что чем реже вы находитесь в режиме «вход» – «выход», тем меньше воздействия получаете. Теоретически, если человек находится в Тумане долгое время и не пытается вернуться в обычный мир, он не меняется. Но теория пока ничем не подтверждена – мало кто желает оставаться на «том свете» дольше необходимого минимума.

М. А. Бондаренко, «Путеводитель по современному миру».

Скорчив несчастную рожицу, потусторонняя путана на четвереньках ползла к мужчине. Когда до мирно сопящей компании осталось метра три, вздрогнула и остановилась.

– Ну же, не тяни! – прошипела Ника. Она стояла вплотную к Камуфляжнику и, будь возможность, сделала бы всё сама, но по известным уже причинам воздействовать на него не могла.

Суккуб двинулась вперёд медленно и осторожно. Молотова, увидев бисеринки пота на сливовом лбу и бегущие по щекам слёзы, торопить перестала. Наверное, это действительно было больно.

Когда ближайший рюкзак оказался на расстоянии вытянутой руки, нечисть принялась еле слышно поскуливать и дрожать всем телом.

– Я не могу! – прошептала она одними губами, жалобно глядя на Веронику.

– Почти всё, потерпи, – точно так же беззвучно ответила девушка.

Стиснув зубки, суккуб схватила рюкзак, подтянула его и надела лямку на запястье Камуфляжника. Ника сумку наконец-то смогла видеть. Мужчина что-то недовольно пробормотал, дёрнул рукой, благодаря чему лямка поднялась ещё выше, но так и не проснулся. Молотова удовлетворённо кивнула:

– Теперь винтовку.

При описании суккуб немного ошиблась – оружие, провалившись в реальный пласт, оказалось короткоствольным помповым ружьём.

Мужчина открыл глаза, когда нечистая укладывала помповик ему на живот.

– Быстро! – рявкнула Ника и протянула суккубу нож. Та рухнула на человека и закрыла ему рот рукой.

– Молчи, – выдохнула она и оцарапала кожу на щеке. Выступила кровь. Только тогда Камуфляжник окончательно проснулся и легко сбросил с себя потустороннюю девушку. Падая, та успела полоснуть ножом по мужской шее, правда, неглубоко. Тело Камуфляжника на мгновение окуталось лиловой дымкой. Зашевелились остальные.

– Те бой, а матар пута!¹ – Человек вскочил, но сделать ничего не успел – Вероника подхватила ружьё и красноречиво прицелилась.

– Стоять!

Языковой барьер оказался легко преодолим – человек всё понял без перевода.

– Ке окурре?²

Троица оставшихся в мороке принялись кричать и встревоженно бегать по залу. Хозяин кольца их окликнул, но реакции не последовало.

– Они тебя не слышат. И не видят.

«Камуфляжник» огляделся – столы и камин его явно удивили, но не напугали. Значит, опытный путешественник и знает о двух слоях реальности. Вот только дурак – умный никогда не позволил бы всем членам группы спать в одно и то же время.

– Кольцо.

В ответ мужчина разразился тирадой, в которой Ника не смогла вычленить отдельных слов. Но переводчик опять не понадобился, настолько красноречивой была мимика.

– Отдай кольцо, и свободен, – и тут же сказал чуть мягче: – Дорогуша, не вой, сейчас всё пройдёт.

Суккуб вряд ли её слышала. Едва мужчина провалился в настоящий Вырай, она отползла как можно дальше и зашлась в рыданиях. Но Молотова уже знала, что боль постепенно сойдёт на нет – между нечистью и человеком с кольцом было не меньше пяти метров. А значит, и тратить время на утешения не стоит.

Потерявшая друга троица тоже продолжала кричать. Сутулый подбежал к суккубу, ударил ногой в живот и задал какой-то вопрос.

– Я не знаю, не видела, не знаю!

Даже Ника поверила – возможно, слёзы придали словам искренности. Нечистую понимали и иностранные мучители, и она сама, и в этом не было ничего удивительного – о подобном нюансе речевого взаимодействия с потусторонними созданиями знали все опытные путешественники.

Сутулый оставил пленницу в покое и снова принялся бегать по залу, который казался ему пещерой. Длинноволосый, видимо, решил поискать исчезнувшего подельника с другой стороны «костра», шагнул сквозь стену и пропал из виду. Бородатый плюхнулся на пол возле огня и со стоном разочарования схватился за голову – он первый понял, что вряд ли когда-нибудь ещё увидит исчезнувшего приятеля. Вырай не разменивается на полумеры – разделяя людей, он разводит их в разные стороны навсегда.

Это же сообразил и сам виновник переполоха. Его лицо исказила ненависть, и мужчина с рёвом, полным злобы, бросился прямо на ружьё. Молотова изначально убивать его не хотела, но от неожиданности нажала на спусковой крючок. Правда, оружие оказалось не заряжено.

Камуфляжник легко вырвал помповик из женских рук и со всей силы ударил им Нику. Девушка, взмахнув руками, упала на спину. Мужчина отбросил оружие в сторону и замахнулся ногой.

¹ te voy a matar puta (исп.) – убью, шлюха

² que ocurra (исп.) – что происходит

Удар пришёлся на поясницу. Почки отреагировали резкой болью, которая отдалась в паху. Ника попыталась откатиться, но не успела – Камуфляжник ударил ещё раз, уселся на неё и стал душить.

Кровь из ран противника заливала лицо, попадала в глаза и рот, но невозможность вздохнуть и дикая боль в шее были гораздо осязаемей. В ушах зазвенело, вокруг стало темнеть.

Если бы на месте Камуфляжника был кто-то более сильный, умный и хладнокровный, всё сложилось бы гораздо хуже. Но Молотова девять лет прожила в военном городке, в котором боевым навыкам уделялось много внимания, а последние два года и вовсе почти полностью провела в пути, рассчитывая только на себя. Конечно, её способности не шли ни в какое сравнение со способностями среднестатистического тренированного мужчины, но давать сдачу девушка умела.

Ника схватила врага за голову и вдавила большие пальца ему в глаза. Мужчина дёрнулся, но отпускать его никто не собирался, наоборот, захват стал сильнее – остальные пальцы легко удержались в нестриженных спутанных волосах. Человеку пришлось разжать руки и сильно отклониться назад, чтобы освободиться. В лёгкие ворвался воздух. Не теряя ни секунды, Молотова приподнялась и ударила кулаком по кровоточащей ране на шее. Мужчина взвыл и неосознанно попытался оказаться как можно дальше от источника боли. Тяжесть его тела с переместилась женских бёдер на колени, и Ника наконец-то смогла высвободиться.

– Лови! – Услышала она краем уха.

Суккуб бросила нож в сторону дерущихся. Камуфляжник тоже отреагировал на голос, но сразу не понял, что именно бросила нечисть. Поэтому, хоть и увидел оружие одновременно с Никой, замешкался на доли секунды. Девушка оказалась проворней.

Пошатываясь, мужчина встал. Движения его были не слишком уверенными, к тому же он всё время тёр веки – видимо, глаза болели сильно. Да и рана, хоть и не глубокая, должна была дать о себе знать.

Молотова подскочила вплотную, поднырнула под руку, которую мужчина выставил вперёд, чтобы защититься, вогнала нож в шею и тут же его вытащила.

Вот теперь клинок вошёл достаточно глубоко, чтобы повредить сонную артерию – кровь полилась из раны пульсирующей струёй, заливая всё вокруг, в том числе и Нику.

* * *

– Для самочки ты чересчур агрессивна. – Суккуб уже не плакала, вернувшись к соблазняющей всё и всех манере общения. – Но это даже хорошо. Иногда.

Едва Молотова одела кольцо на свой палец и произнесла приказ, нечисть стала невидимой для мужской компании. А те не сразу заметили, что их секс-игрушка исчезла, так как были заняты бурным обсуждением пропавшего приятеля. Теперь люди сидели возле огня и вяло переругивались.

– Что говорят? – Вероника сняла пропитанный кровью свитер, увидела, что бюстгальтер такой же изгаженный, расстроено поджала губы и расстегнула крючок.

– А грудь, кстати, у тебя очень даже ничего, – бесцеремонно заявила суккуб, – правда, маловата, и соски слишком бледные.

Ника презрительно закатила глаза и повернулась к нечисти спиной.

– Лучше на вопрос ответить. Я не понимаю их язык.

– Да ничего особенного не говорят. Мальчики решили, что их друг прихватил меня, оружие, вещи, и сбежал. Вот и строят коварные планы по отмщению. Хотя прекрасно понимают, что вряд ли его встретят когда-нибудь.

В рюкзаке убитого Ника нашла тёплый свитер. От него остро несло застарелым мужским потом, а ворот был таким грязным, что стоял колом, но выбирать не приходилось. Морщась, девушка оделась. Рукава оказались длинноваты, поэтому их пришлось закатать.

– Переделась? Отлично. Значит, так. Нужно вставить кольцо вот сюда. – Суккуб запрокинула голову и нащупала круглое отверстие на ошейнике. – И провернуть два раза. Мне, конечно, больно будет, но это в последний раз, так что переживу. И свобода!

Молотова промолчала. Она задумчиво рассматривала свою куртку – во время драки та была расстёгнута, так что кровь попала не всюду, но пятен всё равно было много.

– Не идти же голой, там такая холодрыга, – пробормотала девушка, – а у этого мудака шмотка ещё хуже выглядит. И воняет.

– Миленькая, что ты тянешь? Колечко чик-чик, и я тебя избавлю от своего присутствия.

– Нет.

– Что значит, нет?! – взвизгнула суккуб и даже сделала шаг в сторону Молотовой, но поморщилась от боли и отступила. – Обещала ведь! Ты же девочка, а девочки друг другу не врут!

Нике стало смешно:

– Ты точно женского пола? С чего взяла такую глупость?

Суккуб вдруг задрожала:

– Обманула? Ты обманула меня? И что теперь? Будешь мучить, или продашь кому-то?

– Не бойся, никуда твоя свобода не денется. Просто наберись терпения. Это очень неприятная зона. Помогите выбраться, доведи хотя бы до переходника, а там распрощаемся. Правда. И вообще, у тебя есть какой-нибудь более подходящий для путешествия вид?

– Был. Пока крылья не обрезаю, – ответила немного успокоившаяся нечисть, – но я и в этом образе могу сдачи дать. Может, не будем тянуть? Пойдём быстрее.

– Я готова. – Ника направилась в сторону двери, за которой находилась засыпанная снегом комната. – Наверное, окно окончательно замело, надо будет откапывать. Правда, не представляю, сколько потом по морозу идти. Надеюсь, не слишком долго. Я в Тумане уже третьи сутки, не знаю ни одного, кто вышел позже, чем через четыре дня. Люди то ли гибнут, то ли навсегда здесь остаются.

Нечисть фыркнула:

– А я на что?

– В каком смысле? – Обернулась удивлённая девушка.

– Вот вы люди, странные. Всё высчитываете что-то, направление определяете, время, эти развратники вон тоже что-то чертили... Котёночек, в Вырае нет прямого пути. В общепринятом смысле. Можешь идти вправо, влево, можешь вниз копать, или вверх лететь – всё едино. Рано или поздно зона сменится. Это не вы идёте, это *они* вокруг вас стелется.

– Ничего не поняла, – потрясла головой Молотова, – вот сейчас прикажу тебе собственный хвост отгрызть, будешь знать. Не можешь нормально объяснить, что ли?

– Не могу. Давай лучше один секрет открою. Все эти непонятки для вас, людишек. Я прекрасно вижу, куда и как долго идти. И границы зон тоже вижу без проблем. Это мой дом, понимаешь? Не ваш.

– Тогда води, – пожала плечами девушка.

Она решила пока не разбираться в мироустройстве потусторонних территорий, а воспользоваться моментом, чтобы выбраться короткой дорогой. Да, доверять нечистой силе нельзя, но суккуб не казалась злобной интриганкой.

* * *

Они шли уже полчаса. Теперь дорога давалась гораздо легче. Метель стихла, ветер терял свою мощь и едва ощущался, а выглядывающие из-под сугробов крыши зданий успокаивали, давая понять, что при ухудшении погоды всегда можно добежать до любого из этих укрытий. Плюс ко всему грязная мужская кофта оказалась довольно тёплой, просохшая обувь и толстые носки грели ступни, штаны и куртка, пусть и замызганные кровью, но тоже неплохо справлялись со своей задачей. Суккуб, уверенно шедшая впереди, уверяла, что до границы зимней зоны осталось всего минут десять.

– Так и не придумала, что будешь делать, когда снимешь ошейник?

– В первую очередь уничтожу его, – ответила нечисть, не оборачиваясь, – чтобы никто больше не оказался в моём положении. А потом... не знаю. К Асмодею возвращаться нельзя. Без крыльев у меня очень маленький выбор. Может, найду какое-нибудь симпатичное местечко, построю домик и буду жить. Правда, без мужской ласки я стану некрасивой, дряхлой, и очень быстро растворюсь в тумане.

Суккуб неожиданно всхлипнула и замолчала.

Ника задумалась. Её эмоции нельзя было назвать жалостью или сочувствием – иллюзий по поводу сути сверхъестественной красоты она не питала. Но спасение из плена и убийство обычного, пусть и не слишком порядочного человека, каким-то образом привязало её к этой недалёкой демонице. Теперь Молотова считала себя ответственной за то, что произойдёт с нечистью.

– Скажи, как тебя зовут?

– А? – Суккуб обернулась и даже остановилась. – В смысле?

– Ну, имя у тебя какое? К тебе ведь нужно как-то обращаться.

– Нам не положено.

– Но ведь ты теперь сама по себе, правильно? Почему бы не выбрать что-нибудь красивое.

– Я почти не знаю женских имён. Но когда-то, когда я была человеком, меня звали ужасно глупо. Кажется.

– Ты помнишь прошлую жизнь? – Поразилась Вероника. – А кем ты была? И как переродилась в... вот в это?

– Не знаю. – Суккуб снова пошла вперёд, задумчиво бормоча: – Не помню. Что-то было... Или это сны? Красивый сад. Белое платье. Или это накидка? Столько людей... Может, всё-таки сон? Когда-то знала, но давно. А как давно я *есть*? Не помню.

– Эй, – Нике показалось, что она нечаянно вызвала у спутницы какую-то нехорошую волну мыслей, и испугалась, что нечисть сейчас как-нибудь «заключит», – Не помнишь и ладно. Хочешь, я тебе буду женские имена называть, а ты выбирай. Согласна?

– Что, котёночек? – Обрубки крыльев дрогнули. – Имена? Хорошо. Почему бы и нет.

– Елена. Ольга. Елизавета. Лецития. Эмбер. Катрин. Эльза...

* * *

– Вон за тем сугробом. – Суккуб Шерон поморщилась: – Отойди на пару шагов. Мне же больно.

– Извини. Я просто уже замучилась. И замёрзла. Хочется побыстрее выбраться, а ведь там ещё какая-нибудь дрянь может оказаться. Например, лава.

– Нет-нет, там точно переходник. Правда, я его не люблю. Давит что-то. Но терпимо. А некоторых в первые же секунды распыляет.

Ника знала о том, что в буферной зоне могут находиться лишь те потусторонние существа, что не считают убийство людей целью своего существования. А самые сильные, элитные создания вообще в него попасть не могут.

«Вот и посмотрим, насколько безопасно отпускать нечистую в самостоятельное плавание». – Девушка решительно направилась к сугробу.

Позади раздался какой-то грохот. Ника увидела, как снег под ногами стремительно превращается в лёд, и обернулась.

– Бежим! – Взвизгнула Шерон и, нервно дёргая хвостом, понеслась к границе.

Ника замешкалась – она ошарашенно смотрела на гигантского человека в меховых одеждах, который громко топал ногами по только что появившемуся льду, из-за чего тот покрывался трещинами.

– Проснись! – Страх в голосе нечисти вырвал из ступора. Молотова моргнула и припустила что есть мочи к тому месту, на которое показывала Шерон. Ботинки скользили, ноги всё время норовили попасть в трещины, но девушка не сдавалась и бежала изо всех сил. И всё равно северное создание почти её достало, разверзнув прямо перед носом широкий и бесконечно глубокий разлом. Вероника остановиться не успела, и с криком полетела вниз.

И упала на мягкую траву.

– Успела, успела, – бубнила невдалеке суккуб, не пытаясь приблизиться, – как же повезло-то...

Ника медленно сняла рюкзак, со вздохом облегчения легла на спину, раскинула руки и улыбнулась.

Над головой глубокое синее небо без единого облачка пело голосами жаворонков. Два солнца – одно большое, другое чуть поменьше, ласкали лицо тёплыми лучами. Вероника, глядя на них, почему-то всегда думала о родителях – когда-то она видела лишь одно светило, а второе появилось сразу после отцовской смерти.

– Если бы не успела, меня бы ошейник убил, ужас какой...

– Шерка, помолчи.

– Чего?

– Помолчи, дай отдышаться.

– Но...

– Две минуты. Две минуты, и я тебя освобожу.

Здесь царило лето. Бабочки, не обращая внимания на девушку и нечисть, порхали вокруг. Одна опустилась на грудь Вероники, но тут же взлетела.

Молотова гнала прочь мысль о том, что на человеческой территории её тоже вряд ли ждёт рай. Здесь, в этом спокойном и мирном месте хотелось задержаться подольше. Но продукты и вода подходили к концу, а о том, что происходило с теми, кто оставался здесь надолго, девушка понятия не имела и не хотела выяснять на себе.

– Кто это был, не в курсе?

– Скорее всего, какой-то божок эскимосов. Тебе это действительно так важно знать?

Ника потянулась всем телом и села:

– Ты права. Без разницы. Ну, иди ко мне. Снимем с тебя эту дрянь.

Суккуб как-то резко погрузтел:

– Подожди. Вот так вот сразу? Тут где-то недалеко речушка должна быть. Может, одежду постирнёшь, помоешься? Ведь если местную воду пить не будешь, ничего плохого не произойдёт. Вдруг там, за границей, пустыня или городок без водопровода?

– Я знаю про речку. Всегда в ней дорожную грязь смываю. Меня подгоняешь, а сама... – Ника пожала плечами. – Трусиха. Ладно. Пока ты морально готовишься к боли, перекушу.

Девушка достала из рюкзака пакетик с горсткой чищенных лесных орехов и двухлитровую пластиковую бутылку, в которой вода плескалась на самом доньшке.

– Есть будешь?

Шерон отрицательно покачала головой:

– Нет. Лучше послушай, что я надумала.

Ника кивнула и заработала челюстями.

– В общем, я хочу поискать тихое место, сложить домик. Может даже, башенка получится. В каких-нибудь славянских местах. Говорят, там много лесов, и лугов, и полей, и красиво. И Высшие в основном добрые.

Молотова подавилась и закашлялась:

– Господи, ты иногда такие вещи говоришь, что хоть стой, хоть падай. Добрые... Везде всё одинаково! Почти. А у тебя проблемы со способностями к самозащите. По твоим собственным словам, между прочим. Я славянка, так что знаю, о чём говорю. Встретишь какого-нибудь упыря, враз поумнеешь. Только ненадолго. А если кот-баюн? Та ещё гадость.

– А куда же мне? – растерялась нечисть.

– Ща. – Ника торопливо дожевала обед и выпила воду. Бутылку спрятала назад в рюкзак. – Я бы на твоём месте вышла на человеческую территорию. Безжизненных мест на планете очень много. А дальше, как и мечтала – найдёшь жильё и будешь скрипеть потихоньку.

– А и правда. Мне на людской земле очень хорошо, – воспряла духом суккуб.

Молотова воодушевилась, принялась размахивать руками, воображая, как у Шерон удачно сложится жизнь:

– Путешественники ведь всегда будут – устроишь что-то вроде трактира с секс-услугами возле точки выхода. И мужикам хорошо, и тебе. Я так понимаю, сперму носить теперь некому, так что никакого вреда, правильно? Может, ещё кто-нибудь подтянется, из любителей. Я знаю, что, например, летавицы очень это дело уважают. Для охраны наймёшь бесов или чертей, или европейских горгулий... А ты будешь ими всеми руководить. Человеческих поваров наймёшь, музыкантов каких-нибудь... Пара лет, и твой бордель на весь мир загремит!

Суккуб облизнула губы и мечтательно прикрыла глаза. Ника, воспользовавшись моментом, быстро подползла к ней и схватила за плечо. Шерон испуганно завизжала.

– Тише, дура! Мы так до скончания времён будем сидеть. Шею!

Завывая, но не пытаясь вырваться, нечисть запрокинула голову. Молотова поднесла руку к ошейнику, кольцо на пальце призывно засверкало.

– Как ты говорила? Два раза провернуть? – Девушка приложила «ключик» к «замочной скважине». Больше ничего делать не пришлось – камень сам, без всякой помощи, закрутился вокруг своей оси, игнорируя оправу. Круглое отверстие изумрудно задымилось, два раза что-то щёлкнуло, и ошейник распался на две неравные части.

– Всё? Правда, всё?! – Не веря, Шерон пощупала шею. – Я ничего не чувствую, ты рядом, а я ничего не чувствую!

Нечистая, позабыв о спасительнице, подхватила и принялась кружиться, пританцовывая и что-то напевая. Грудь весело колыбалась, грозя разорвать майку, по рожкам пробежали искры, а кисточка на хвосте торжественно пушилась.

– Поздравляю, – угрюмо сказала Ника. Повинуясь какой-то заложенной программе, ошейник окутался лиловым туманом и снова стал целым. Молотова стащила с пальца кольцо, швырнула на траву вместе с ошейником и брезгливо вытерла ладони о штаны. В девушке не было ни капли колдовских способностей, но она всё равно ощущала зло, идущее от «украшений».

– Я должна тебя отблагодарить.

Ника вздрогнула. Оказалось, она слишком внимательно прислушивалась к посылу, идущему от магических предметов, и совсем перестала замечать происходящее вокруг. Поэтому Шерон смогла подойти незамеченной совсем близко.

– И за освобождение, и за совет. Он очень даже ничего. – Шерон взяла Веронику за руку. Ладонь оказалась неожиданно сильной. – Поцелуй меня.

– Шла бы ты со своей благодарностью куда подальше. – Молотова вырвала руку из захвата. – Озабоченная.

– Ты не поняла, – хихикнула нечисть. – Я не собираюсь тебя развращать. Всего лишь поцелуй, и мы в расчёте.

Послав суккуба по матери, девушка забросила рюкзак за плечо и зашагала в сторону реки. Через минуту Шерон её догнала.

– Не могу тебя просто так отпустить. Ноет что-то вот здесь. – Она показала куда-то между грудей. – Позволь всё-таки отплатить добром на добро. Я ведь и вправду ничего такого не имела в виду.

– Ты, долбаный демон, – огрызнулась Молотова, – я как-то позабыла о твоей настоящей сущности, видимо, из-за симпатичной мордашки и инфантильных повадок. Оставь меня в покое. Это будет самой лучшей «спасибой».

– Позволь объяснить. – Хвост Шерон нервно метался из стороны в сторону. – Нам нельзя ходить в должниках у людей, это как заноза загноившаяся!

– Как же ты меня достала! – Вероника остановилась и скрестила руки на груди. – Не буду я с тобой трахаться!

– Так и не надо, – примирительно выставила вперёд руки демоница. – Я просто с поцелуем передам кое-какую полезную в твоих путешествиях способность. И всё на этом.

– Какую?

Не то, чтобы Ника заинтересовалась предложением. Просто снова проснулось женское любопытство.

– Видно, что ты когда-то была красивая. Хоть рубец и мешает нормально личико рассмотреть. Подожди, подожди, не злись. Человеческие мужчины – странные существа. Они в первую очередь на внешность смотрят. При этом тем, у кого душа гнилая, на самом деле всё равно, как самочка выглядит. Им женщину унижить главное, сделать ей больно. И плевать на рост, вес, возраст и красоту. Поверь, я знаю. Я умею их читать. Вот и получается, что хорошие экземпляры мимо тебя проходят, а всякая мерзость обидеть норовит. Я права?

Молотова еле сдержалась, чтобы не ответить резко. Нечисть ударила по самому больному, но всё ещё было непонятно, к чему весь этот разговор. Наверное, увидев что-то нехорошее в глазах девушки, Шерон сделала шаг назад, но говорить не прекратила:

– После моего чмока желать тебя смогут лишь те, кто не замышляет ничего дурного. А такие, как мои бывшие хозяева, будут проходить мимо. Больше ни одного насильника в твоей жизни. Секс только с теми, кого сама захочешь, если, конечно, найдутся те, кто разглядит, хихи, внутреннюю красоту сквозь страшное личико. Ну, так как – принимаешь подарок?

Ника не верила, что в целом мире найдётся хоть один такой мужчина, но раздумывала недолго. Она зажмурилась и подставила губы для поцелуя.

* * *

Точка выхода оказалась в довольно живописном месте – среди зелёных холмов. Только запах, еле ощутимый, но гадкий, портил впечатление. После постирушек и помывки в потустороннем ручье он казался особенно отталкивающим. Поскольку на долгом пути встречались и более неприятные места, Ника спокойно пошла вперёд. Лишь споткнувшись о какую-то слишком твёрдую кочку и услышав звук, который издаёт пустотелый предмет, она решила присмотреться.

Легко содрав подошвой траву и почву с «кочки», девушка увидела металлическую канистру. Без особого сопротивления ёмкость вывернулась из земли, открыв то, что скрывалось ниже.

Первым, что бросилось в глаза, была жестяная банка из-под пива. Рядом с ней валялась длинноногая кукла из семейства Барби, без головы. Остальной мусор идентифицировать оказалось сложно, так как он представлял собой разнородную и разноцветную смесь отходов человеческой цивилизации. Молотова совсем по-другому взглянула на холмы и поняла, что Вырай вынес её на огромную помойку.

Теперь девушка передвигалась гораздо аккуратней – ей не хотелось провалиться под мусор из-за какого-нибудь сгнившего старого комода. Поднявшись на вершину «холма», Ника завертела головой.

Помойка, замаскированная природой, слева и справа тянулась до самого горизонта. Позади она терялась под лиловым Туманом, а вот впереди, меньше, чем в километре от того места, где стояла девушка, «холмы» заканчивались стеной леса, слишком густого, высокого и широколистного для средней полосы. Вероника очень не хотела лезть в тропические заросли, но другого выхода не видела – ей нужно было найти место, где можно пополнить запасы воды и еды. Конечно, оставался вариант дожидаться «отката» прямо здесь, на этом гниющем памятнике сгинувшей цивилизации, но девушка прекрасно понимала, что следующий переход, скорее всего, просто не переживёт, так как на потусторонней территории можно есть и пить только то, что принесено с собой. Конечно, если не хочешь погибнуть или превратиться во что-нибудь «необычное».

Вздыхнув, Молотова пошла вперёд, стараясь держаться как можно выше – у подножий «холмов» неприятный запах был гораздо сильнее. Да и влажность внизу царила неслабая – кое-где под ногами даже чавкало и хлюпало. Предательскую мысль остановиться и поискать источники воды девушка безжалостно прогнала – не хватало ещё набрать «зелья», полного тяжёлых металлов, токсинов и бактерий.

Трава под ногами явно приспособилась к ядовитым добавкам в почве – она была высокой, сочной и густой. Да и лианы, страстно обвивающие крупногабаритный мусор, выглядели вполне неплохо. А вот более серьёзные растения мутировать не успели – деревца были кривыми, уродливо изогнутыми и болезненными на вид. Впрочем, Ника не слишком хорошо знала, как должна выглядеть флора и фауна в подобной местности – почему-то Вырай редко «выносил» её близко к экватору.

Чем ближе путешественница подбиралась к зарослям, тем заселённой выглядела помойка. Яркие крикливые птицы кружились в небе, трава шуршала, чавкала и повизгивала, а по невысоким деревьям ползали какие-то большие разноцветные жуки. Огромные насекомые, очень похожие на хорошо знакомых комаров, навязчиво кружились над головой и всё норовили усестись на плечи, и Ника мысленно похвалила себя за то, что не сняла куртку. Конечно, было очень жарко и душно, пот лил по спине ручьём, но уж лучше немного взмокнуть, чем превратиться в обед каких-нибудь экзотических кровососущих насекомых. Когда одна из лиан вдруг зашевелилась, шлёпнулась вниз и исчезла в траве, девушка остановилась, торопливо достала из рюкзака несколько пустых целлофановых пакетов и обмотала ими икры поверх штанин. Такая предосторожность вряд ли могла защитить от змеиных укусов, но немного уверенности всё же придала.

К москитам присоединились и другие насекомые. Они беспардонно вились перед лицом, норовили залезть в нос, рот и глаза. Ника, не прекращая от них отмахиваться, почувствовала, как в душе зарождается паника. Это место, несмотря на буйную красоту, было недружелюбно к человеку.

В какой-то момент Молотова окончательно растерялась. Скорость передвижения упала почти до нуля. Мысль о том, чтобы вернуться в Туман прямо сейчас, без воды и еды и до

«отката», уже не казалась глупой и рискованной. К тому же солнце постепенно двигалось по небосводу вниз, обещая скорое наступление ночи. А с хищниками, предпочитающими охотиться во тьме, Ника абсолютно не хотела встречаться. В голове всплывали обрывки школьных знаний – летучие мыши-вампиры, тигры, львы, ядовитые змеи и лягушки, гигантские пауки и аллигаторы... Она не знала точно, куда её занесла потусторонняя дорога, не была уверена, что все пришедшие на ум животные обитают в одной и той же местности, но понимала, что встреча с одной-единственной королевской коброй может закончиться плохо. К тому же кое-какое зверьё могло мутировать под воздействием лиловой взвеси, превратившись в немагических, но очень странных существ. Чужое, а значит, пока непривычное ружьё, десяток патронов к нему, нож и небольшой топорик вряд ли помогут, если кто-то зубастый захочет пообедать человеческой самкой. И девушка очень пожалела, что распрощалась с суккубом ещё в переходнике – нечистая сила сейчас бы очень пригодилась.

Принять окончательное решение помог болезненный укус в шею. Ника вскрикнула, прихлопнула настырное насекомое и посмотрела на ладонь – раздавленный трупик выглядел омерзительно.

– Да пошло оно всё! – Молотова развернулась и пошла назад.

И минуты через две услышала чей-то смех.

Если бы волосы под шапкой не были мокрыми от пота, они бы зашевелились. Смеяться могло любое потустороннее создание, вышедшее на охоту. Почему-то о людях девушка в первую секунду даже не подумала.

Кто-то снова захохотал. К весельчаку присоединился второй голос, очень похожий на детский. Ника присела на корточки и прислушалась.

В смех вплелись слова. Говорила женщина, очень похоже, что на немецком языке, а потом послышалось рычание. Не сразу Ника поняла, что это всего лишь рёв двигателя.

На душе стало чуть спокойней. Вряд ли нечисть будет пользоваться автомобилем. Хотя, конечно, в нынешнем мире ни в чём нельзя быть уверенным, и девушка осторожно, стараясь не шуметь, двинулась на звук.

У подножия одного из ближайших мусорных холмов Вероника увидела четыре пикапа, к которым крепились жилые трейлеры. Рядом с машинами стояли четверо мужчин и одна женщина, и что-то бурно обсуждали. Вокруг взрослых бегали дети и большая мускулистая собака.

Двигатель прекратил работу, из пикапа вылезли ещё две женщины. Увидев выражения их лиц, остальные прекратили шутить и хохотать. Совершенно седой мужчина что-то спросил. Ответом были горестные вздохи и отрицательные качания головой. Даже дети притихли, подошли к взрослым и с волнением стали прислушиваться к разговорам.

Наблюдая за незнакомцами, Ника упустила из виду пса. Поэтому, когда он совершенно неожиданно появился из-за её спины, вздрогнула и едва не вскочила. Но животное выглядело дружелюбно – не нападало, не лаяло и вяло помахивало хвостом в знак приветствия, так что девушка решила раньше времени не пугаться.

– Привет, пёсик, – прошептала она. – Ты меня унюхал, да?

Собака замахала хвостом чуть активней.

Что-то в животном было не так, но что именно, девушка никак не могла сообразить. Внешне вроде бы всё, как и должно быть – мощные лапы, широкая грудь, короткая серая шерсть и острые уши. Чёрный мокрый нос и пасть, полная зубов. В породах девушка не разбиралась, поэтому не могла знать, как именно называется такая собака, и вообще, не дворняга ли она. Но вот царапало что-то, словно она опытный кинолог и видит какое-то несоответствие то ли шерсти и размера, то ли величины лап и длины хвоста.

– Скажи, твои хозяева как, хорошие люди? Они мне ничего не сделают?

Животное упало на спину и задрало лапы кверху.

Ника всегда настороженно относилась к собакам, помня первые месяцы после конца света³, но решила не обострять и осторожно, медленно, протянула ладонь к розовому животу.

Почувствовав человеческую руку, пёс расслабился и прикрыл глаза. Ощущение неправильности исчезло. Из-за этого подозрения обуяли ещё сильнее.

– Ну, так как? Вы хорошие?

Пёс от удовольствия задёргал задней лапой.

– В принципе, с вами дети. И они не в клетках. Значит, вы ими не торгуете. И ведут они себя, ну... как дети. Любимые. Да?

Пёс шумно вздохнул.

– Может, у твоих хозяев есть вода? Мест для хранения я вижу достаточно, это, в конце концов, целые дома на колёсах. Я бы себе тоже такой хотела. Наверное, попробую спуститься, поздороваюсь.

Пёс облизнулся.

– Хотя нет, лучше пойду отсюда. Не хочу рисковать. Ты меня не выдавай, ладно? Я ведь пузико тебе почесала.

Животное вскочило и угрожающе зарычало.

– Эй, ты чего?

Подсознательно Ника ожидала чего-то такого, поэтому не слишком испугалась. Наоборот, всё стало предельно понятным и привычным – незнакомые люди, их большой и агрессивный питомец. Понимая, что громкий выстрел из ружья привлечёт ненужное внимание, она аккуратно потянулась к поясным ножам. – Мы же, вроде, подружились.

К сожалению, манёвр с ножом не остался незамеченным. Псина бросилась вперёд и толкнула девушку мощными передними лапами. Лишь рюкзак не дал девушке полностью опрокинуться на спину. Выбитый нож отлетел в траву.

– Фу! Место!

Собака оскалилась. Она явно не собиралась убирать лапы с груди девушки. Из пасти закапала слюна.

И тут до Ники дошло. У «пёсика» были человеческие глаза. Карие, почти чёрные, глубоко посаженные, поэтому она сразу не сообразила, что к чему. Она попыталась было освободиться, но зубы предупреждающе клацнули возле самого носа.

– Анкел Керт, вос маст ду хир⁴? – Мальчик и девочка подобрались совсем незаметно и с любопытством уставились на Веронику.

– Их хабе ессен гуффондн⁵, – пролаял пёс.

³ Об этом можно узнать в рассказе «Встреча», который выложен в бесплатном доступе на сайте author.today

⁴ Onkel Kert! Was machst du hier? (нем.) – Дядя Керт, что ты здесь делаешь?

⁵ Ich habe Essen gefunden (нем.) – Я нашёл еду.

Глава 3

Довольно долго человечество привыкало к изменившимся условиям жизни. Первые годы люди искали приют, не понимали, какая опасность подстерегает за лиловой пеленой, поэтому ходоки, чужаки, пришельцы, путники – в разных поселениях их называют по-разному, были довольно частыми гостями. Но за последние пять лет ситуация изменилась, беспорядочные путешествия практически отсутствуют, поэтому рекомендуется внимательно изучить биографию гостя, прежде чем впустить его в жилище. Бродяги-торговцы, несчастные из уничтоженных поселений, искатели, любители приключений обычно не представляют опасности для мирных людей. Но есть разбойники, мародёры, агрессивные настроенные сумасшедшие и двоедушники, которых необходимо опасаться. Особо хочется выделить тех, кто оказался в Тумане из-за изгнания. Подобные личности всячески скрывают правду о своей судьбе, и даже опытная ведьма не всегда может почувствовать сущность преступника. Поэтому желательно каждому путнику устраивать испытательный срок, во время которого он будет под пристальным присмотром. Рано или поздно истина станет известна.

М. А. Бондаренко, «Путеводитель по современному миру».

Сразу после Катастрофы Марина не могла пользоваться колдовством из-за договора с чёртом. Вениамин не деликатничал, при необходимости вычерпывал из девушки не только колдовские силы, но и часть жизни. Сычкова старалась не выходить из дома, ведь в любой момент могла почувствовать слабость или даже потерять сознание. Мама всякий раз плакала, а отец в бессилии сжимал кулаки и грозил выловить нечистого и поотбивать ему рога.

Но Веня не показывался, решая какие-то свои потусторонние проблемы, а Марина ждала окончания срока контракта и изучала теорию. Из-за полной потери магических способностей ей приходилось довольствоваться книгами, архивами и дневниками, написанными обычным, человеческим языком, зато за это время Марина подтянула английский, немецкий и выучила французский – Прасковья, известная в то время под именем Ольги, а потом Ирины, оставила юной коллеге обширную библиотеку.

Жителей трёх деревень в первый год изрядно потрепало, смерти шли одна за другой, и, если бы не защита, поставленная ещё до Катастрофы, жизнь на этом клочке Земли закончилась бы давным-давно. Сычкова считала дни до той секунды, когда пиявка Вениамин от неё, наконец-то, отлипнет. Осознание того, что она ничего не может предпринять, чтобы помочь друзьям, родственникам и соседям, приводило в ужас. И девушка с огромным усердием продолжала изучать основы колдовства, мечтая, как применит их когда-нибудь на практике.

Постепенно люди притерпелись, приспособились и даже стали находить положительные стороны во взаимодействии с нечистой силой. А однажды утром Марина проснулась и почувствовала, что срок вышел. Вениамин её «отпустил».

На радостях вскипятив чайник силой мысли и чуть не устроив пожар, девушка, выслушав одновременно и нагоняй, и поздравления от родителей, выскочила из дома, чтобы как можно быстрее обрадовать Славку. И нашла на крыльце небольшой сундучок, обитый бархатом и украшенный драгоценными камнями. С осторожностью изучив презент, Сычкова не нашла в нём ничего опасного и решила открыть, но сразу это сделать не получилось – сундучок оказался запечатан магией. Немного повозившись, довольная собой девушка подняла крышку и увидела старинный том. Бережно достав книгу, она гладила кожаный переплёт и тёмные страницы без единой литеры, чувствуя, что вся библиотека Прасковьи не стоит содержимого сун-

дучка. Книгу следовало читать Силой – авторы даже не озаботились маскировкой под обычный печатный текст. Простому человеку листы показались бы абсолютно пустыми.

На дне имелось ещё кое-что – симпатичная открытка в зайчиках и сердечках. Каллиграфическим почерком на ней было написано: «Прекрасной юной ведьме в благодарность за изумительно проведённый год. Навечно твой, Вениамин». И вычурная подпись с неприличным количеством завитушек.

Марина до сих пор не знала, почему чёрт подсунил конкретно эту книгу. Ведь именно благодаря ей юная ведьма сделала сногшибательный рывок в колдовстве, хотя даже сейчас, спустя столько лет, Сычковой были доступны лишь первые несколько страниц. Веня на прямые вопросы не отвечал, лишь загадочно закатывал глаза и восторженно цокал. Плюнув на попытки узнать всё из первых рук, колдунья принялась разбираться самостоятельно.

Фолиант, раскрывая свои тайны, вытягивал из конденсаторов всю Силу. Последние страницы вообще было опасно открывать – конденсаторы сразу же взрывались, а жизненная энергия устремлялась в бумагу, словно её высасывал мощный пылесос. Пару раз потеряв сознание, Марина прекратила попытки, надеясь, что когда-нибудь станет достаточно сильной, чтобы продолжить изучение загадочной книги. Да, периодически она пробовала снова, но всякий раз убеждалась, что время ещё не пришло. В Вырае, в котором Силы могло хватить на сотню таких книг, таинственный том отказывался открываться вовсе. Он словно говорил, что его предназначение не связано с потусторонним миром.

У книги была ещё одна интересная особенность. Напитавшись энергией, она «транслировала» ответы на вопросы, которые задавала Марина. Либо просто и без затей делилась описанием обрядов, заклинаний и заговоров. Причём ни разу колдунье не попадались ритуалы, которые она не смогла бы воспроизвести из-за неопытности, недостаточности Силы в носителях или из-за моральных принципов. Но с каждым годом знания, которыми делился фолиант с хозяйкой, становились всё более сложными. Видимо, сказывался накапливаемый опыт.

И всё равно дальше шестнадцатой страницы она даже не продвинулась.

К сожалению, книга ничего об артефактах, подобных вещице Прасковьи, рассказывать не желала, поэтому Сычковой пришлось импровизировать и обращаться за помощью к друзьям. План был совершенно не продуман – куда идти, где искать и что делать в случае находки, она не представляла. Но очень рассчитывала, что проводник Дмитрий куда-нибудь да приведёт.

Вот только перед тем, как отправиться в долгое и бесцельное путешествие, нужно было кое-что доделать. И если Славка был готов на всё ради родного дома, Софья, Дима и Игнат вызвались помочь Приречью исключительно по доброте душевной. Осознавая, что никак нельзя нагло требовать от жителей других поселений бросить свои дела и близких, Марине пришлось повременить с поисками, чтобы целительница, боевой маг и проводник смогли разобраться с личными проблемами.

* * *

Гостевой домик на территории ведьмовской усадьбы казался эталоном простоты и функциональности – бревенчатые стены, всего одна комната, маленькая кухня. Но обстановка всё равно была уютной.

У одной стены стояла деревянная кровать, у второй – вместительный шкаф-купе от угла до угла, у третьей – письменный стол, сундук и трюмо. У четвёртой стены, прямо под окном, располагался узкий диван с продавленным сиденьем.

Именно на нём, поджав ноги, сидела Кривицкая, когда в избушку заглянула Марина. Целительница при свете единственной лампочки, висящей под потолком, изучала ту самую загадочную книгу, подаренную чёртом. И так увлеклась, что не услышала, как хлопнула дверь.

– Ты готова?

Хромушка вздрогнула и подняла голову. Фолиант закрылся, на мгновение окутавшись зелёным сиянием.

– Что? А, да... Да, готова. Я сейчас... Нужно только записать, пока из головы не выветрилось, – целительница отложила книгу, взяла карандаш и ученическую тетрадь в клеточку, черкнула несколько букв и остановилась. – А ты не одолжишь книжку? На пару месяцев.

– Нет, – покачала головой Марина. – Извини. Но ты в любое время можешь приходить ко мне в гости и читать, сколько влезет. Да и вернёшься ведь скоро. А если кто-нибудь новенький появится? Их ведь надо будет на чём-то натаскивать. В конце концов, у меня и до тебя ученики были. Думаю, и после тоже будут.

– Да, я понимаю, – вздохнула Софья. – Просто там столько целительных заклятий! А может, всё-таки дашь? Я верну, честное слово!

– А я вот ни разу не видела в ней медицинских заклинаний. Зато тех, что помогают управлять флорой и фауной – в достатке. И боевых. Твой Шевченко, кстати, только боевые и читал, другие ему не попадались ни разу.

– Как это? – нахмурилась Хромушка. – Ты первые две страницы видела вообще? Там только про лечение. Я, правда, глубже пока не тяну. Сознание теряю.

– Ты не поняла? Книга показывает то, с чем ты на данный момент можешь справиться. Тебе – твоё, мне – моё.

– Серьёзно?!

– Ага. Через годик-два заглянешь дальше, это стопроцентно. Да ты записывай, записывай. А то забудешь. Я пока водички попою.

Кухонька казалась мышьиной норкой. Значительную часть пространства занимала печь, оставляя место лишь для стола, двух табуреток и маленького холодильника. В зеве печи поблескивала глянцевыми боками мультиварка, намекая, что теперешняя жительница гостевого дома так и не освоила искусство растопки. Холодильничек прекрасно уместился под столом, на стене висел светлый шкафчик для хранения нехитрого набора посуды, а возле двери располагалась невысокая лавка – на ней стояло ведро с водой и пластиковая кружка. Ведьма напилась, открыла холодильник, по-хозяйски удостоверилась, что он пуст, и вытащила штекер из розетки. В кухню заглянула Софья:

– Мы же на машине поедem?

– Конечно. Почему спрашиваешь?

– Ой, да тут такое! Надо будет к Бусловой на хутор завернуть, забрать кое-что. Как люди прознали, что я домой собираюсь, так сразу гостинцы понесли. Вчера весь день, и сегодня тоже шли. Такие все добрые, щедрые!

Ведьма усмехнулась. Приреченцы в своём репертуаре. Почему бы не отдать в бедствующий край прошлогодний мёд, например? Он, конечно, не испорчен, вкусовые и лечебные свойства на высоте, но ведь нынешний урожай тоже нужно куда-то складировать. «На те, боже, что нам негоже». Или кабачки – в этом году они знатно уродились, даже чересчур. Девать некуда. А вот батарейки, лекарства, патроны или туалетную бумагу вряд ли Роднику пожертвовали.

– Дома праздник будет – столько всего нужного и полезного! – продолжала радоваться целительница.

Марина внезапно устыдилась. Откуда взялась эта злость? Из-за усталости? В конце концов, почему не отдать излишки благ нуждающимся. Люди хотят помочь незнакомому поселению в благодарность целительнице за помощь с Чумой. По собственной инициативе, так как Соня ничего ни у кого не требовала. Но не отдавать же то, что и в Приречье на вес золота?

– Хорошо. Только... Сонь, может, всё-таки не поедem? Ты всё равно собиралась домой не раньше зимы. Заодно и подучишься чуть лучше, а то из-за эпидемии толком и не продвинулись дальше микробиологии и охранных заклятий. Мне очень нужна твоя помощь.

Хромушка погрузилась, но упрямо покачала головой:

– Именно из-за Чумы я и хочу проведать Родник. Ты не представляешь, какие кошмары мне снятся. Если у вас чуть не вымерли все, представляешь, что могло за это время *там* случиться? Мало ли – болезнь, нечисть напала, новые мародёры... Да что угодно может быть! Просто гляну одним глазком, и назад. Всё равно мы с Игнатом и Димой договорились, что они, возвращаясь, сделают круг и заберут меня из дома. Так что какая разница, где ждать – здесь или там? Не волнуйся. Всё будет, как надо. Мы ведь обещали.

Марина не стала объяснять, что да, поход до Родника никак не помешает выехать на поиски артефакта тогда, когда это было запланировано, зато выбросит на помойку три-четыре дня, которые можно было потратить на подготовку к походу... Но она лишь кивнула и сказала:

– Тогда давай поторопимся, раз ещё на гостевой хутор заскочить надо.

* * *

– Давай-ка сама, – Марина с отвращением смотрела на маки, которые бессильно скребли зубастыми бутонами по защите. Полесский круг оказался для цветов непреодолимой преградой. Под ногами противно хрустели и поскуливали примятые ногами стебли – цветы, которые вытоптали ведьмы, агонизировали.

– Не могу, – буркнула Соня, – не справлюсь. И зачем это вообще? Просто ехали бы дальше, и всё. К тому же это флора, не фауна. Я пока с растениями не умею.

– Так, – скрестила руки на груди старшая ведьма, – всю дорогу работала я, ты лишь со стороны наблюдала. Тебе нужно тренироваться, я думаю, здесь прекрасное место и время. В ближайшие месяцы меня рядом не будет – нагрузишься теорией, а с практикой что? Давай, соберись. Да и какая флора, ты что, зубов не видишь? А кровища под ногами не смущает? Или боишься, что сил не хватит? Так мы пока в Вырае, сквозь тебя Сила бурной рекой течёт, ни один конденсатор не понадобится.

– Ну... Ладно. Но ты подстрахуй, если что. На раз, два, три.

Целительница сосредоточилась, зажмурилась, раскинула руки и прошептала:

– Три.

Марина одним махом сняла защиту. Цветочки раззявили пасти, потянулись к ведьмам... И опали безжизненным пеплом.

Разрумянившаяся Софья открыла глаза. Мёртвый пяточок земли диаметром метров в сто её поразил. Женщины и «Нива» стояли в эпицентре.

– Вот видишь, а ты боялась, – Софье показалось, что Марина слегка растеряна. Старшая ведьма помялась, а потом решила и сказала: – Отбирать жизнь у тебя получается великолепно. Но не забывай, что ты целительница, и вроде бы белая, насколько я тебя узнать успела. А чернокнижие, или по-простому вампиризм, затягивает. Он лёгкий, необременительный и о конденсаторах можно вообще не думать. Вспомни того уroda, что напал на ваш Родник. Он только так и действовал. Но ты ведь могла изменить сущность, так сказать, вмешаться в ДНК. Мы же на пчёлах попробовали, и у тебя получилось. Сделала бы цветочки беззубыми, да и всё. В общем, будь осторожна. Дарить жизнь и отнимать – две стороны одной медали. Выбери правильную.

Отповедь слегка испугала Хромушку. Да, история с пчёлами была очень полезной в плане обучения. В тот самый день, когда житомирский караван покинул Приречье, пчёлы, принадлежащие старосте Потаповки, Яну Брониславовичу, сошли с ума. Обычные труженицы забыли о цветах, сменив их на содержимое сельских туалетов. Над ульями повис мерзкий запах. Ян Брониславович, увидев «медок», чуть не заработал инсульт. Кроме того, пчёлки стали агрессивными, до смерти искушали мирно хрюкавшую в грязной луже соседскую свинью и напали на Антона Костенко. Мужичок решил сходить в собственный сортир, прихлопнул жужжащую там пчелу и был атакован её подругами – буквально за минуту над туалетом собралась туча пчёл,

словно они как-то узнали о смерти подружки. Антону пришлось бежать. Пятидесятилетний бывший пьяница развил скорость, на которую не был способен даже тридцать лет назад, и всё равно бы он погиб, если бы не бочка с водой для полива огорода. Под водой Костенко просидел минут десять, иногда выныривая глотнуть воздуха. Пчёлы возмущённо гудели над бочкой, а собравшиеся за забором люди помочь ничем не могли – опасались злобных насекомых.

В конце концов, пчёл прогнал дождь, а Ян Брониславович рванул к Сычковой. Марина выслушала жалобу и спешно выехала в деревню, прихватив Хромушку. Ведьмы, не обращая внимания на льющуюся с неба воду и раскаты грома, несколько часов исправляли сущность пчёл, которая, как оказалось, была изменена Выраем – пока в поселении хозяйствовала Чума, люди не слишком-то следили за тем, что происходило на подворьях. Вот медоносы и летали за Туман без ежедневного «обеззараживания» с помощью специального амулета.

Сейчас Соня просто не подумала, что способ, применённый на пасеке, можно использовать и в других ситуациях.

– Я нечаянно, честно.

– Значит, учишься контролировать себя. Поехали.

Сычкова села за руль. Машина бесшумно двинулась вперёд. Буквально через несколько секунд её окутал густой лиловый туман, который почти сразу же рассеялся, и Соня увидела мирный пейзаж переходника.

– Ладно, не страшно. Во всём нужно искать плюсы. Твой способ страшноват, конечно, но вполне может заменить кое-какие боевые заклятия. Главное, не увлекайся.

Судя по тону, Марина заметно расслабилась. Всё-таки путешествие по Выраю выматывает даже колдунов.

– А ты так можешь?

– Конечно. Лечить не особо, если честно. Может, не доросла, а может, способностей к этому нет. А вот убивать твоим способом – запросто. Только я этим не пользуюсь никогда.

Разговор прервал вновь появившийся вокруг автомобиля туман. Миг – и потусторонний мир остался позади. Соня увидела знакомую промышленную зону, а чуть дальше можно было разглядеть верхние этажи дома детства. До церкви оставалось совсем ничего. Прижав руку к груди, словно пытаясь удержать сердце на месте, девушка медленно задышала через нос. Наставница не торопила – она понимала, что сейчас испытывает ученица. Чтобы как-то отвлечься от волнения, Соня дрожащим голосом спросила:

– А почему вампиризмом не пользуешься?

Марина нервно дёрнула плечом:

– Однажды это плохо кончилось. Из-за моей глупости и самонадеянности погиб замечательный человек. Знахарка, Антонина Николаевна. Правда, я не знала, что тяну из неё силы, но это не уменьшает моей вины. Так что лишь от колдуна зависит сторона целительской медали. Я свою выбрала. А тебе доступны обе. Сохраняй равновесие, и всё будет хорошо.

– Но если ты не знала, то...

– Давай не будем, ладно? Скажи лучше – волнуешься?

– Разве не видно? Я не волнуюсь, я в ужасе.

– А чего так?

– Как ты не понимаешь? А если они меня видеть не захотят? Или в живых никого нет?

Почти два месяца прошло!

Сычкова насмешливо фыркнула:

– Глупости. Тебя все любили и любят, это раз. У них защитная полоса вокруг церковного двора, это два.

Марина повернула за угол, ожидая увидеть последние триста метров дороги до автостоянки, и еле успела затормозить – путь преградили трёхметровые ворота шириной во всю улицу.

– И вон, смотри, что они тут понаделали. Это три.

* * *

Конечно, ворота не шли ни в какое сравнение с приреченскими, но тоже выглядели внушительно. Хоть и затрапезно. Лепили ворота из того, что было. Металлические покорёженные листы, подгнившие доски, пластиковые разноцветные панели, и прочий строительный материал, разбавленный хламом. Марина даже заприметила дверь холодильника. Кое-где щетинились ржавая арматура, колючая проволока и осколки стекла.

Соня выскочила из машины и звонко крикнула:

– Эй, есть кто живой?! Ау, люди! Это я! Кривицкая!

Ответом ей была тишина.

– Кто-нибудь! Открывайте!

Марина, которая из машины выходить не спешила, приоткрыла окно и вполголоса сказала:

– Не кричи. Мало ли что...

– Я чувствую, здесь кто-то есть – за нами наблюдает, но открывать не хочет. Да что вы там затаились?!

Девушка в нетерпении пнула ворота ногой.

– А ну, убрала свои грабли! – послышался мужской голос. – Прекрати по дверям колотить, а то живой не уйдёшь, отродье!

В воротах появилось небольшое смотровое окно, из него высунулся автоматный ствол.

– Соня! – предостерегающе крикнула Сычкова, но целительница и без наставницы поняла, что дело труба, и юркнула назад, в автомобиль. Короткая очередь в воздух доказала, что невидимый охранник шутить не намерен.

– Валите отсюда!

– Это же Ванька! – Хромушка открыла окно и крикнула: – Эй, Вань, прекращай дурить! Я Соня! Хромушка!

– Ехай отсюда подобру-поздорову. Пока не вышли и не отметили.

– Иван, не знаю, как вас по отчеству! – вмешалась в беседу Сычкова. – Почему такой холодный приём? Ладно, я, может, и не узнали – один раз виделись, и при неприятных обстоятельствах. Но Соня с вами столько лет прожила, вы что!

– Таких Сонек уже трое приходило! – рявкнул из-за ворот другой голос.

– Как – три? – Соня снова бесстрашно выскочила из машины и подбежала к воротам.

Марина вздохнула, наскоро создала вокруг ученицы защиту, но сама не вышла, решила не вмешиваться.

– А так, – передразнил тот же голос, – вы, нечистые, совсем оборзели. Так что повторяем – валите, пока целы!

– Но это я, правда, клянусь!

Ответом была автоматная очередь. Защитный купол на несколько мгновений украсился вспышками.

Почему-то за воротами растерянно замолчали. Автомат исчез, в дырке показался любопытный глаз.

– Чем пули остановила?

– Это не я, это Марина. Колдовством, как тогда, когда на нас мародёры напали. Пустите, Ваня, Донован, я вас узнала! Пожалуйста, я так соскучилась, – сонины глаза наполнились слезами.

– Вань, предыдущие так не закрывались. Их же пули не брали. Может, и правда Сонька?

– Слышь, нечисть, – осторожно проговорил Иван, – ну-ка, скажи, что я тебя вылечить просил?

Соня не задумалась ни на секунду:

– Мошонку у тебя раздуло, как в прошлом году снег первый выпал. С левой стороны.

После удивлённой паузы за воротами раздался смех:

– Ой, не могу! Ну, Ванька, не повезло тебе!

– Вань, мы с тобой прямо сейчас всё вылечим! – прижала руки к груди Соня. – Я уже многое могу. Ребята, пустите!

– Ладно, может, ты и настоящая. Но не факт. Может, голову дуришь. В любом случае, знаешь, что делать надо, – недовольно пробурчал Ваня.

В полутора метрах от земли появилось узкое окошко, прихожанин высунул горлышко бутылки. Процедуру Софья прекрасно знала и подставила руки. Святая вода не вызвала никакой реакции.

– Дон, прекрати ржать и открой ворота. Наша Сонька вернулась! – Настороженность в голосе Ивана сменилась радостью.

* * *

Церковь и пространство перед ней ощутимо изменились – было видно, что жители Родника зря времени не теряли. Высокую траву выкосили под корень, молодую лесную поросль выкорчевали. Машины, которые ржавели на автомобильной стоянке со времён Катастрофы, сменили местоположение. Где ровными рядами в несколько «этажей», где грубо сваленные в кучу, старые легковушки перекрывали улицы, оставляя лишь один проход к храму, стоянке, строительному рынку и двум многоквартирным домам. Тот самый проход, к которому подкатили ведьмы. Возле покосившейся будки охранника скучали автомобили в рабочем состоянии, те, что раньше принадлежавшие мародёрам. Чья-то рука безжалостно уничтожила эмблемы свободовцев – одни закрасила, другие отскребла.

Марина, следуя указаниям, подъехала туда же. Соне не сиделось, она выскочила из машины, не дождавшись окончательной остановки. Старшая ведьма вышла следом и огляделась. Донован поспешил в церковь, сообщить остальным, Ваня остался с гостями. Парень радостно улыбался, рассматривая Хромушку, но где-то глубоко в его душе Сычкова видела напряжённость.

Освободившееся от старых легковушек место занимало несколько небольших домиков, сколоченных, как и ворота, из всякого хлама, включая разобранные павильоны строительного рынка.

– Вот, Сонька, смотри, что мы придумали. Когда нужно будет защиту от нечисти обновлять, мы себе целый квартал обпащем. Или обпахаем? Неважно. В общем, расширим площадь, так сказать. Потихоньку сносим рынок и строим дома. Надоело на головах друг у друга сидеть – жуть.

– Супер. А не холодно зимой будет?

– Не-а, смотри, – Иван подошёл к ближайшему домику, открыл слеplенную из мусора дверь, – внутри всякими тряпками стены утеплены. Вот здесь буржуйка, совершенно неожиданно нашли. Вон в том, соседнем доме – место для костра из осколков кирпича сложили. Чадить, конечно, будет сильно, но лучше в дыму и тепле, чем на свежем холоде. Конечно, всех сюда не переселишь, но мы и вон те две многоэтажки осваиваем. И вообще, это временно. Помнишь частный сектор на Советской улице? Может, через пару лет туда переберёмся, если сил хватит, конечно. Нас ведь мало совсем. Оно хорошо с одной стороны, еды и воды меньше нужно, а с другой не очень, сама понимаешь.

– Думаю, скоро будет полегче.

Марина, естественно, знала, о чём говорит девушка – ведьмы не раз это обсуждали. Новый торговый маршрут принесёт пользу и Роднику, и Приречью. Конечно, поначалу игра

будет в одни ворота, но с годами, когда на родине Сони благодаря белорусским друзьям наладится быт, станет полегче. Да и Шевченко очень не хотел расставаться с Хромушкой, а значит, сюда зачистят и житомирцы.

Но Соня рассказать Ивану об этом не успела – распахнулись ворота храмовой территории. Жители Родника стояли внутри, казалось, в полном составе. Навстречу никто не бежал, руками приветственно не махал – люди чего-то ждали.

– Ладно, девочки. Пойдёмте.

Ваня довольно быстро двинулся вперёд и через несколько секунд обогнал ведьм. Встав в толпу, он тоже замер.

– Что они задумали? Почему так себя ведут? – прошептала Соня.

– Не знаю. Помнишь, второй охранник говорил про то, что кто-то в твоём образе уже приходил, и не один раз?

– Добро пожаловать, – холодно улыбнулась Дарья Степановна, ощупывая посетителей колючим взглядом.

– Верочка, что происходит? – целительница нашла в толпе дорогое лицо.

– Заходи, – проигнорировала вопрос Вера.

Снова захлестнула обида, как возле первых ворот. Стараясь не расплакаться, под прищелом нескольких десятков глаз девушка зашла во двор.

Вздых облегчения прокатился по приходу. Верочка взвизгнула и бросилась на шею Хромушке. Даша улыбнулась, сделала шаг вперёд и сгребла в охапку Марину. Ведьма беспомощно пискнула – на радостях богатырша чуть её не задушила.

– Тобой уже три раза притворялись! – верещала Вера. – Но ни одна скотина не прошла за линию защиты! Сонечка, я так рада, так рада! Ух, вернулась! А мы скучали! А Лёвушка уже головку держит! Ходим в город, только меня не пускают, потому что Лёвушка маленький! А он уже улыбаться начал! А ты ведь говорила, что зимой придёшь!

Веру начали оттеснять – каждый хотел обнять Соню. Марине тоже досталась часть всеобщей любви.

Хромушка плакала и смеялась, слушала бессистемно вываливаемые новости и пыталась рассказать свои, и всё это одновременно.

Она была счастлива.

* * *

Когда эмоции немного схлынули, машину загнали во двор. Целительница взялась показывать гостинцы, которыми ведьмы забили багажник и салон. Льняное и подсолнечное масло, мука, овсяная крупа, фасоль, вяленое мясо, сушёные ягоды и грибы, картошка, трёхлитровая банка мёда, сало... Всего по чуть-чуть. Кроме того, Кривицкая привезла кое-какие лекарственные травы, отвары, пилюли и медицинские инструменты, которыми поделилась запасливая Татьяна Петровна, а также семена и большой пакет стирального порошка. Персонально для Верочки Софья приберегла погремушки и детскую одежду – этого добра было валом в каждом доме Приречья, и хозяйки буквально упрашивали взять именно их пакеты с вещами – чердаки и чуланы не резиновые, а детское приданое ещё с советских времён выбрасывать было не принято.

Дарья Степановна, дядька Тихон и Сычкова в празднике подарков не участвовали. Они закрылись в приходском доме, в карантиннике, и вели очень оживлённую беседу.

– Сочувствуем. Тяжело терять людей. – Равнодушный тон Дарьи не слишком вязался со словами. Но следующий вопрос оказался более эмоционально окрашен: – А эта... Прасковья не может пойти по вашему следу и устроить здесь то же самое?

– Вряд ли, – Марина постаралась, чтобы голос звучал уверенно, – не думаю, что Родник Веры представляет для неё интерес. Да и слежки мы никакой не заметили.

Тихон тоже кратко выразил соболезнования и заговорил совсем о другом – о планах житомирских ведьмаков.

– Не нравится мне это всё. Мы тут потихоньку-полегоньку выживаем. Друг к другу привыкли. Тяжело, но стабильно. А если сюда всякие новосёлы припрутся, кто его знает, как оно будет. Да и вообще – проводники какие-то с левой резьбой в башке, кавалер этот Сонькин... А если мужик девчонке голову задурит? Да даже если и нет. Этот ваш проводник туда-сюда через нас будет всяких водить, я правильно понял? Типа перевалочного пункта? Это же проходной двор получится.

– Не отказывайтесь, – мягко ответила Сычкова, – подумайте, какие перспективы открываются перед Приходом. Не сразу, конечно, это дело не одного года. Да и Дмитрий пока наш единственный знакомый проводник. Но в будущем, лет через десять-двадцать... Мы хотим ввести общую валюту, общие школы. Например, к вам начнут стекаться потенциальные богатыри и целители. Кто-то ведь останется после учёбы, понимаете? Сонечка всё-таки не может жить среди вас – ей нужен домик на отшибе. Некоторая волшба опасна для окружающих. Да и не стоит забивать гвозди микроскопом, для поддержания здоровья общины вполне хватит медика без магических способностей, а в Приречье есть две юных знахарки, ещё три почти готовы к работе, кто-нибудь из них, думаю, согласится на переезд. Дети начнут рождаться, а главное, выживать – понадобятся и учителя, и воспитатели. Проще станет добывать ресурсы, начнёте выращивать овощи, печь хлеб. Как у нас. Можно будет заняться производством, возродить какое-нибудь маленькое предприятие – у вас очень большая территория свободна от Тумана, и Соня говорила, что почти половина занята промышленной частью. Люди будут торговать, путешествовать, выбирать место жительства под себя. Уверена, количество жителей Родника многократно возрастет. Да и сам он станет больше, безопасней и... живей, что ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.